

16+

Борис Наумов

Любовь и разум

Борис Наумов
Любовь и разум

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Наумов Б. П.

Любовь и разум / Б. П. Наумов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-97049-6

Мыслетрон - прибор для управления энергией мысли - используется авторами в мирных целях и в борьбе с криминальными элементами. Налаживается тесная связь землян с представителями высокоразвитого общества планеты Гениании. Эта связь осуществляется на глобальном, межпланетном уровне и в сфере частных взаимоотношений жителей Земли и Гениании. Но, не всё гладко происходит в жизни авторов разработки. Им приходится преодолевать явления криминального характера и глубоко трагические события в личной жизни. Любовь и разум не всегда по жизни идут бок о бок, наоборот, часто вступают в противоречия, принося героям неудачи и горе.

ISBN 978-5-532-97049-6

© Наумов Б. П., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	18
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	39
Глава 9	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Борис Наумов

Любовь и разум

Глава 1

Если вам скажут, что миллионы лет Земля вращается с постоянной скоростью вокруг своей оси, а также по орбите вокруг Солнца, не верьте. Это совсем не так. И это вам подтвердит любой человек, проживший на этом свете хотя бы лет тридцать-сорок.

– Дни стали пролетать так быстро, что и не замечаешь. За утром – день, и вот – уже вечер. Ничего не успеваю сделать, – скажет один.

– Да и не только дни, месяцы и даже годы мелькают друг за другом, – поддержит его второй, – раньше и сутки были длиннее, и время тянулось медленнее.

– И чем дольше мы живём, тем быстрее и быстрее одна пора года сменяет другую: осень – зима, весна – лето, – продолжит свои наблюдения первый.

– Земля стала быстрее вращаться. Люди своей вечной спешкой подталкивают её.

Вот такие ненаучные высказывания можно услышать почти от каждого наблюдательного жителя этой «ускоряющейся» планеты Земля. И никакие утверждения или научные доказательства умных и знающих людей не могут убедить его в обратном.

Прошли почти три года с тех пор, как мы расстались с героями предыдущих книг о необычных свершениях и приключениях на нашей Земле и на далёкой планете Гениании.

Три года! Три года! В жизни планет – это миг. Даже говорить об этом, не стоило бы. И для обитателей Гениании, при их идеально налаженном способе существования – хотя, почему существования – при их высокоразвитом уровне жизни, наверно, тоже можно было бы эти три земных года назвать мгновением. Всё стабильно, разложено по полочкам, никаких непредвиденных событий и психологических встрясок.

Но, увы! Жизнь их свела, столкнула с Человеком, с обитателем планеты Земля. И неожиданности стали появляться на их размеренном жизненном пути.

Но, всё по порядку.

Три года не выбросишь из жизни человека и всё, происходившее за это время вокруг каждого из наших героев, так или иначе, повлияло на их дальнейшие судьбы и на окружающий мир.

Анастас и Светлана с радостью и нетерпением ожидали появления в их семье пополнения. Разговоры всё время вращались вокруг этой темы. Светлана стала спокойнее, а мысли и воспоминания об Анюте постепенно отступали на второй план. Конечно, она – мать – всё так же скучала по ней и не стала меньше любить свою первую дочурку. Но, постоянные разговоры с мужем о приближающемся радостном событии отвлекали её от грустных мыслей.

– Дорогой мой, – однажды придя домой после посещения доктора, обратилась она к Анастасу. Взгляд её был игривым, а на лице запечатлелась загадочная улыбка. – Стасик, милый, как я тебя люблю. И, чем дольше мы вместе, тем больше и сильнее эта любовь. Это я знала всегда, но сегодня почувствовала особенно.

Анастас молчал и только пристально и удивлённо смотрел на свою жену. Он всегда любил Светлану и знал, что она тоже отвечает ему взаимностью. Но, со временем, переживая взаимную любовь, они всё меньше и меньше стали говорить об этом. Только постоянная забота и уважение друг к другу оставались неизменными со времени, когда жизнь свела их вместе.

Анастас всё смотрел на Светлану и не мог понять её сегодняшней нежности. Среди сумбурных мыслей, которые были в голове Светланы и, которые Анастас уже давно воспринимал

через энергетический канал, он не мог выделить то основное, что вызывало такой прилив ласки и любви.

– Что-то произошло сегодня в твоей жизни, дорогая? – только и смог произнести Анастас, пытаясь разгадать причину всплеска позитивной энергии, исходящей из головы Светланы и, таким неожиданным образом, воздействующей на мозг Анастаса.

Светлана продолжала загадочно улыбаться, проявляя свою любовь то через нежные прикосновения и поглаживания, то, склонив свою голову на плечо мужа. Это всё больше и больше занимало Анастаса, но сумбурные её мысли, хаотичные всплески и затухания мозговой энергии не поддавались восприятию и расшифровке.

– Ну, ты можешь, наконец-то, мне рассказать, дорогая, что случилось? Я не понимаю тебя и твоей неземной нежности.

– А ты напрягись и подумай хорошенько, милый, – не сдавалась Светлана. – Что могло со мной случиться, когда ты рядом со мной? Ничего плохого. А что хорошего? Посмотри на меня, – Светлана отошла на метр в сторону и, загадочно-игриво стала кружиться перед ним.

– Я вижу: ты беременна, но соблазнительно красива. Я об этом знаю и для меня это не ново, – всё ещё не находил он объяснения заигрыванию и кокетству своей любимой.

– Ну, и оставайся в неведении со своей дремучестью. Ты можешь думать и фантазировать только на уровне межпланетных событий, а спуститься на Землю, подумать обо мне, о нас с тобой – ты не способен.

– Светочка, ну объясни же, в конце концов, что произошло? Где ты была сегодня?

– Вот-вот, уже теплее. Размышляй дальше.

– Ты вчера собиралась пойти к доктору. Правда?

– Собиралась.

– Ходила к врачу, и как? Ты узнала, что у нас будет ребёнок?

– Да-а-а.

– Мы об этом и раньше знали.

– Знали, да не всё.

– А что же ещё можно было услышать от доктора?

– Вот мы и пришли к главному. У нас будет ребёнок, – всё ещё не раскрывая интригу, без слов, только с помощью мысли, сообщила Светлана.

– Ты сумасшедшая, женушка моя дорогая. Я тебя очень люблю. Доктор сказал, кто у нас будет? Мальчик или девочка?

– Мальчик.

– Спасибо тебе, Светочка. Я очень рад.

– И не только.

– Что, не только?

– И ещё...девочка.

Анастас не сразу уловил смысл последней фразы жены и, молча, стоял, глядя на неё.

– Да, да, Стасик. У нас будет двойня: мальчик и девочка.

– Теперь я начинаю сходить с ума, – наконец, пролепетал несколько слов Анастас.

– Нет, уж, милый. Теперь мы должны отпраздновать это событие. Такая радость не каждый день приходит к нам в дом.

Анастас подхватил жену, крепко обнял её и начал кружить по комнате.

– Стасик, поставь меня на место. Ты рискуешь раньше времени стать многодетным отцом.

Ещё долго витало в квартире Одинцовых радостное настроение. Оба будущих родителя не находили себе места. Они дурачились, смеялись, шутили и разыгрывали друг друга. При этом, Светлана успевала накрывать праздничный стол для подтверждения полного семейного счастья.

– Видишь, Светочка, как хорошо, что я не согласился работать в министерстве. Я был бы всё время занят и не смог бы помогать тебе, управляться с двумя детишками.

– Ох, ох, ох. Какой помощничек! Я помню, как ты «помогал» мне растить нашу Анюточку! И без министерства тебе не хватало времени.

– Да, это так. Но, я был рядом и всё, что мог, делал для вас с Анютой.

– Бедная наша Анюточка. Где ты теперь? Уже скоро будет год, как ты ушла от нас.

– И полгода прошло с тех пор, как она с Иллианом, мужем своим, посетила нас, порадовала родителей несколько дней. И снова её нет. Была бы она счастлива со своими братиком и сестричкой, – Анастас поддался лирически восторженному и печально нежному настроению жены.

Они ещё долго разговаривали, вспоминали прошедшие годы и строили планы на будущее.

– А что сказал доктор? – вспомнил Анастас о начале сегодняшней беседы. – Наши деточки нормально развиваются? Нет никаких отклонений?

– Пока рано говорить о «нормальности», – уже более спокойно ответила Светлана. – Надо наблюдаться у доктора, придерживаться режима питания и отдыха.

– Постарайся, дорогая моя. Ты у меня умница.

– Да вот только меня беспокоит то обстоятельство, благодаря которому наша дочка стала неземной девочкой. Можно сказать – мутанткой. Все те энергетические поля, которые окружали и воздействовали на неё, когда она была ещё в утробе, да и после рождения, теперь не только не исчезли, но и ещё более усилились. Я не знаю, что с этим делать, как устранить их влияние на формирующихся человечков.

– Поразмышляем над этим, – понял Анастас беспокойство жены, – что-нибудь придумаем. Для начала, давай не будем общаться с тобой путём обмена энергетическими полями.

– Это правильно, но, ведь само поле и у тебя и у меня не исчезнет. Оно существует вокруг нас и внутри меня.

– Мы уже научены первым опытом. Теперь надо быть внимательнее и умнее.

– Стасик, дорогой, хорошо подумай над тем, чтобы у нас родились «правильные» детки. Я тебя очень прошу. Со своей стороны я сделаю всё, что от меня будет зависеть.

На этом закончился разговор, который в душе каждого из них оставил противоречивые чувства. Наряду с радостью от ожидания в недалёком будущем рождения двух малышей – мальчика и девочки – появилась тревога от ощущения возможного воздействия сильных энергетических полей родителей на развивающиеся организмы и рождения неземных существ. Обещание Анастаса подумать над этим вопросом и предотвратить такое развитие событий не убедило Светлану в положительном исходе ожидаемого события. Да и сам Анастас пока не представлял себе, что можно сделать в сложившейся ситуации, чтобы вслед за первой неземной дочерью, не получилось ещё два родных, но более странных существа.

Глава 2

После разговора со своей любимой женой, будущий многодетный отец коренным образом изменил своё отношение к предстоящему событию. Ему совсем не хотелось получить второй сюрприз, подобный преподнесённому им родной дочерью. Анастас понимал, что этот возможный вариант будет иметь куда более удручающие последствия, да ещё и в двойном размере.

Анастас постоянно думал о том, что предпринять, как уменьшить свои энергетические поля и устранить их влияние на зарождающиеся маленькие организмы. Но, несмотря на непрерывные размышления на эту тему, никаких оригинальных идей не появлялось.

Всё чаще и чаще всплывали воспоминания о тех нескольких днях, когда Аня с Иллианом пребывали на Земле с дружеским, родственным визитом.

Прошло несколько месяцев, как Аня покинула свой дом, родителей, Родину, Землю и, главное – своё материальное тело. Жизнь на Гениании ей показалась раем, хотя и на Земле она не успела познать, хоть какие-нибудь, тяготы или даже заботы. У неё на Гениании не было возможности сравнивать жизнь землян и генианцев. Ей всё, происходящее вокруг неё, казалось таким, что должно было быть непременно у каждого живого существа, где бы оно ни находилось – на Земле или на Гениании.

Отличия жизни генианской от жизни земной и все их подробности, которые Иллиан-Калеоний узнал при посещениях Земли, он описывал Аня-Калеоне. Но, эти рассказы воспринимались ею как забытые или давно ушедшие события на далёкой, уже почти чужой, планете.

Время, прожитое Аней на Гениании, равное шести земным месяцам, позволило ей довольно детально познакомиться со многими порядками, устоями, привычками, законами, которые были приняты и неукоснительно исполнялись всеми генианцами. Жизнь их, подчинённая этим законам, была настолько идеально отрегулирована, что, прожив там один день, можно было бы с точностью до самых последних мелочей предсказать, что произойдёт завтра или случится послезавтра. Хотя слово «случится» совсем не было знакомо генианцам. Все они, как мелкие детали какого-нибудь сложного механизма, чётко выполняли свою работу без сбоев и неожиданностей. Всё вокруг было предсказуемо на многие-многие времена вперёд. Никто из генианцев никогда не отступал от заложенного алгоритма их жизни, и всё у них происходило чётко и правильно.

Подчинённая всем законам и правилам жизнь, позволила генианцам за многие тысячелетия не только до совершенства обустроить и облагородить свою планету, но и самим превратиться в гениальных, одухотворённых роботов. Всё, что они делали, исполнялось в строго определённые сроки и без каких-либо отклонений от запланированных путей и результатов.

Посещая другие планеты, в том числе и Землю, генианцы часто видели несовершенство жизни на этих планетах, дикость в поведении их обитателей, уродство характеров, нелепость поступков. Более того, такое непонятное, разительное несоответствие самих жителей и их поступков пришлось увидеть Иллианию и членам его семьи на планете Земля.

Постоянные посещения планеты Земля дали им возможность многое понять и попытаться помочь землянам избавиться от вопиющих недостатков. Однако, прямого вмешательства в их жизнь, как предписывали законы Гениании, не было, но намекнуть, подтолкнуть к созданию определённых условий для изменения и усовершенствования жизни, генианцами предпринимались. Одним из самых заметных событий в этом направлении была встреча с Анастасом – наиболее подходящим, по их мнению, объектом для быстрого и эффективного вхождения в контакт с землянами.

Калеона любила своего мужа. Она жила с ним одними мыслями, заботами, планами. Ни размолвок, ни ссор или непониманий между ними не было. Удивительно скоро и правильно

она вписалась в жизнь генианцев. Окружающие её жители идеальной планеты, друзья и, даже родители Иллиана, быстро забыли о земном происхождении Калеоны и считали её совершенной генианкой.

И, всё же, по сути, в основе нового генианского создания, под названием Калеона, была Анята – земное существо. Все преобразования, которые произошли с ней с помощью генианского энергетического воздействия, не смогли полностью уничтожить то земное начало, которое было заложено в её сущность родителями – Анастасом и Светланой.

День за днём, неделя за неделей проходили незаметно и, Калеона становилась задумчивой и грустной. Эти чувства, в отличие от чувств человеческих, не отражались ни на поведении Калеоны, ни на её лице, ввиду его отсутствия. Однако любящий муж стал замечать перемены, происходившие с ней.

– Что с тобой случилось, Калеона? Я чувствую, что ты становишься менее эмоциональной. Твоё энергетическое поле временами бывает почти неподвижным. Тебя что-то не устраивает в нашей жизни?

– Нет, нет, дорогой Калеоний. Мне с тобой очень хорошо. Я люблю тебя.

– Может быть, тебе не нравится наше общество или наша планета? – продолжал проявлять своё беспокойство Калеоний.

– Всё здесь прекрасно, Калеоний. Генианцы дружелюбны и милы, и природа очаровательна. Всё устроено, как нельзя лучше.

– Тогда что же тебя беспокоит?

– Иллиан, мне иногда становится тоскливо.

– Почему ты назвала меня Иллианом?

– Я всё чаще и чаще вспоминаю тебя, каким ты был там, на Земле. Я снова переживаю то время, в которое ты появлялся возле меня, и мы знакомились, узнавали друг друга.

– Да, это были кратковременные, но волшебные встречи. Я тоже помню о них. Но, почему ты грустишь, когда вспоминаешь об этом?

– Иллиан, я тоскую по своим родителям, маме и папе. Я их по-прежнему люблю.

– Не называй меня Иллианом. На нашей планете нет такого имени.

– Когда я вспоминаю это имя, или произношу его, я как бы соприкасаюсь со своим земным прошлым. Я вижу и чувствую своих родителей.

– Но, так дальше не должно продолжаться. Твоё угнетённое состояние начинает нарушать наше идеально отстроенное энергетическое поле. У нас не может и не должно существовать мест, где были бы изъяны в этом поле.

– Что же делать, Калеоний?

– Живи и наслаждайся жизнью.

– Я хочу вернуться, нет— хочу посетить своих родителей. Я хочу их увидеть, прикоснуться, поцеловать.

– У нас так не делается, Калеона. Дети и родители здесь всегда вместе. Мы постоянно чувствуем и понимаем друг друга, помогаем и живём один в другом.

– Я это знаю, дорогой. Но, ведь я наполовину землянка. И кое-что земное мне присуще. Я хочу видеть маму и папу.

– У нас с тобой скоро будут свои дети, и ты сама будешь мамой.

– Хорошо, Калеоний. Это в будущем. А теперь я очень хочу домой, – твёрдо и настойчиво произнесла последние слова Калеона. Она и сама не ожидала от себя такого упорства и желания осуществить свои мечты.

– Домой? – удивился Калеоний. Видимо, при всей гениальности и организованности их мышления, ему, да и всем генианцам, не было присуще тонкое, родственное чувство тяги к предкам, к тому месту, где зародилось маленькое, земное существо. – У тебя здесь дом, Калеона, здесь твоя семья, и я – твой муж.

– Всё это так, милый, но я хочу ненадолго увидиться с родителями. Ведь, перед отправлением сюда на Генианию, мы обещали появляться на Земле, посещать родных.

– Хорошо, Калеона. Я согласую с межпланетной комиссией новый график посещения планеты Земля. Думаю, что комиссия пойдёт на изменение времени и срока посещения генианцами Земли, и мы с тобой сможем побывать там.

– Я очень рада, Калеоний. Я надеюсь и жду.

– Не грусти, дорогая.

В течение трёх генианских дней Калеоний уладил все организационные дела, и дата посещения ими планеты Земля была назначена.

Глава 3

Братья-близнецы в очередной раз помирились. Больше не было причин для возникновения споров между ними. Общие дела и планы объединяли Сергея и Володю. Они стали чаще проводить время вместе, обсуждать текущие дела и планы на будущее. Вот только увлечение кафедральной девочкой значительно изменило поведение Серёжи. Он теперь меньше общался с Анастасом, хотя не раз приходилось отвечать на вызов друга и обсуждать с ним заочно те или иные проблемы.

– Серёжа, надо сходить сегодня к Анастасу, мы уже давно там не были и не знаем, чем он сейчас занимается, – обратился Володя к брату.

– Да, Вовчик, я согласен с тобой. Давненько мы не виделись с Анастасом и Светланой, хотя мысленно я общаюсь с ним и в курсе всех его дел, – согласился Сергей с предложением брата. – Но, сегодня я не могу – у меня встреча с Катюшей.

– Ты стал больше времени проводить с Катей, чем со мной или с нашими общими друзьями, – высказал Володя недовольство словами брата.

– Может быть, ты прав, Вова. Но, она мне нравится и мне интересно с ней бывать. Она такая умница и красавица. Да, что я тебе объясняю, ты и сам видел её и знаешь про неё многое. Кажется, я люблю её.

– Кажется? Ну, тогда перекрестись, – повторил Володя слова мамы, которая всегда говорила этот сомнительный совет людям, если они были в чём-то не уверены.

– Крестился, Вова, крестился. Всё равно мне кажется.

Серёжа, действительно, старался быть вместе с Катюшей, как можно чаще и дольше. Они на работе были рядом, общались, трудились, смеялись, радовались. Но, этого им было мало, и в свободное время они также не расставались. Их отношения и дружба были похожи на раннюю совместную жизнь Анастаса и Светланы. Единственное отличие было только в том, что Серёжа несколько раньше, чем Анастас, испытал нежные чувства к своей сотруднице. Ну, что ж – новое поколение, новые темпы жизни.

– В таком случае, я сегодня пообщаюсь с Мишей, – продолжал разговор Володя. – Как-то не получалось нам поговорить с ним по-настоящему после его посещения Гениании.

– Правильно, не надо забывать старых друзей, – поддержал брата Серёжа, – а то, с подачи Анастаса, вовлекли мы его в свои сомнительные дела и оставили наедине со всеми новыми заботами.

– Ты же говорил, что Анастас с Михаилом общается и знает обо всех его начинаниях.

– Да, вроде бы так. Но, я ничего не знаю об их беседах и о Мишиных делах.

– Потом я всё расскажу тебе, – пообещал Володя.

Михаил уловил вызов Володи и сразу же с радостью отозвался.

– Привет, Володя, рад тебя слышать. Куда ты исчез?

– Привет, Михаил. Я тоже рад. И никуда я не исчезал, а всё время нахожусь здесь. Только заботы, заботы.

– Ох, ты маленький трудяга! Весь в заботах.

– Да, да, я и сам не знаю, чем занят, но времени свободного совсем нет. То учёба, то работа.

– Ты работаешь уже?

– Да, я сначала помогал Серёже в школе, потом он пригласил меня поучаствовать в его институтских делах на кафедре.

– Какие вы молодцы. Совсем не похожие на моих однокашников.

– А ты что, тоже где-то начал учиться? – удивился Володя.

– Не начинал я, Вова, а всё ещё продолжаю осваивать свою «академию», и однокашники у меня всё те же. Да все такие «умные», неподдающиеся.

Разговор проходил путём передачи мыслительной энергии. И Вова, и Михаил уже давно обладают таким потенциалом, что без труда могут вызывать друг друга на разговор.

После посещения Гениани и многократных общений с Анастасом, Михаил не только получил колоссальные изменения своего энергетического мозгового потенциала, но и коренным образом изменил свои мировоззрения. Он в жизни всегда был лидером и любым способом старался быть первым во всех делах, которые касались его. Ему удавалось подчинять своей воле каждого человека, контактирующего с ним, будь то на воле или в условиях содержания под стражей. Иногда с трудом удавалось такое действие, но сам он никогда, ни под кого не подстраивался. Сильного духом человека – Лютого – он тоже старался подчинить себе, но на этот раз у него ничего не получилось. И, только воспользовавшись общением с Анастасом и полученной возможностью влиять на мозговые поля и волю находящихся в контакте с ним людей, Михаил избавился от соперника Лютого. Теперь он считал себя единоличным паханом в тюрьме и человеком, способным изменить не только порядки в этом заведении, но и переделать сознание и мировосприятие находящихся там людей, как заключённых, так и всех слушающих.

Временами Михаила посещали мысли, похожие на раскаяние или сожаление по поводу «ухода» Лютого. Как – никак, он был таким же изгоем, как и Михаил, и также ненавидел тех, кто был по ту сторону закона и невидимой борьбы за тёплое место в этой нелёгкой жизни. И здесь, в застенках, хоть Михаил и Николай вели между собой негласную борьбу, но, по сути, они были единомышленниками, только шли параллельными путями, толкаясь локтями, пытаясь, сбросить друг друга в пропасть.

Михаил не знал, отчего в его голове возникали чувства жалости к Лютому. Может быть, он подсознательно ощущал отсутствие человека, который был целью, объектом борьбы, смыслом существования Михаила. Или, в результате перестройки его мышления, перемены главных жизненных целей, он воспылил жалостью к исчезнувшему Лютому, как к существу, потерявшемуся в этой жизни и достойному теперь внимания и помощи со стороны Михаила.

Однако, такая слабость, сожаление и раскаяние в своих поступках посещали Сапушкина не часто. Больше всего он сейчас хотел заняться «переделкой мира», или, хотя бы, того круга людей, которые были рядом с ним по ту или иную сторону разделительной стены. Михаил видел полное несовершенство тех и других. Он раздумывал и планировал сделать что-то такое, чтобы их мысли, чувства и взаимные отношения были другими. Он мог бы теперь без труда сделать так, чтобы на «законных» основаниях заключённые вышли на свободу, а весь управленческий и контролирующий персонал, за ненадобностью, нашёл себе другую работу. Изъян в этих размышлениях Михаила был в том, что такое мероприятие было бы разовое, искусственное, а в головах, в мыслях этих людей изменений бы не произошло и, рано или поздно, они снова вернулись бы к прежней деятельности. Анастас вместе с братьями Умаровыми плотно поработали над мозгами Михаила, и теперь он уже с полным убеждением начинал задумываться над просветительской или меценатской деятельностью.

Бывший напарник Михаила по лазарету, Константин Семёнович – мужичок-дохлячок – уже давно вышел на волю, но не мог до сих пор осознать суть происшедших с ним перемен. Он потерялся в новой реалии, не знал, как здесь существовать, что делать, как заботиться о себе, о сегодняшнем и завтрашнем дне. Он видел спешащих куда-то людей, его толкали на улицах прохожие, а он на всё смотрел широко раскрытыми, безразличными глазами. Долгие годы, проведённые Константином в застенках, так исковеркали его душу, его восприятие этого мира, что уже никакие внешние воздействия и установки Михаила не смогут направить его на правильную дорогу человеческой жизни.

Сам Михаил, так же, как и Константин Семёнович, мог бы спокойно на «законных» основаниях выйти на свободу и забыть о годах, проведённых в застенках. Но, для себя он не хотел таким образом получить освобождение. Он почувствовал, что должен остаться здесь и сделать так, чтобы люди, получив свободу, сами осознанно и уверенно строили свою жизнь.

Порядки в тюремном заведении, где добровольно оставался Михаил, изменились в лучшую сторону. Нельзя было узнать в нём прежнего авантюриста, привыкшего жить за чужой счёт и, стремящегося унижить и подчинить своей воле любого человека.

Анастас, в связи с новым положением Светланы и ожиданием двойни, временно ослабил интенсивность своей деятельности. Сегодня он решил ещё раз пообщаться с Михаилом и узнать результаты своего воздействия на его мозг.

– Миша, появишься завтра у меня. Есть необходимость поговорить по поводу общих наших дел. Может быть, заглянут к нам Серёжа с твоим другом Володей. Что-то давненько мы не собирались вместе.

– Хорошо, Анастас, буду в пять часов у тебя. Я и сам думал об этой встрече. Надо бы ещё раз обсудить направление моей деятельности в нашем заведении. Да и в более широком смысле хотел бы услышать от вас советы.

– Лучше в шесть тридцать, раньше у меня не получится, – уточнил Одинцов, – работа.

Никогда ранее и ни к кому Михаил не обращался за советом. Да и форма самого обращения к Одинцову не была свойственна прежнему Михаилу. Ни единого жаргонного слова! Предложения построены по казённому лаконично, но культурно.

На следующий день точно в назначенное время Михаил появился в квартире Одинцовых. Анастас его ждал. Светлана хлопотала по хозяйству, вполголоса напевая какую-то мелодию. Она заметно округлилась, несколько потеряла свою свежесть и красоту, но по-женски была очень привлекательна.

– Что ты хочешь обсудить с Михаилом, дорогой? – понимая мысли мужа, несколькими минутами ранее спросила Светлана. – Не задумал ли снова какую-нибудь авантюру для него?

– Во-первых, авантюры – это не моё амплуа, Светочка. А во-вторых, так как я скоро буду очень и очень востребован здесь, дома, и времени на другие дела у меня не будет, то я хочу с Мишей обсудить его будущее, в котором я буду уже меньше принимать участие.

– Ты сможешь оставить своё дело ради наших будущих деток? – удивлённо и несколько наигранно спросила Светлана.

– Неужели я давал тебе повод сомневаться во мне?

– Нет, конечно, дорогой. Я верю тебе и очень ценю твоё решение.

– Здравствуйте, Анастас и Светлана, – приветствовал Михаил сразу после прибытия к Одинцовым. – Я не вижу, то есть не нахожу здесь братьев Умаровых.

– Здравствуй, Михаил, – ответил за двоих Анастас, – Володя скоро прибудет, а Серёжа занят на работе, и приехать сюда сегодня не может.

– Жалко, я бы хотел пообщаться со всеми сразу.

– А вот и Владимир, – сообщила Светлана. – Проходи, проходи, Володя, тебя ждут.

– Всем привет, – совсем, как со своими сверстниками, поздоровался Вова. – Я уже здесь.

– Мы видим. Привет, привет, – двусмысленно ответил Михаил.

– Что предстоит обсудить или решить высокому собранию? – снова по-взрослому и чуть, иронично-официально спросил Вова, обращаясь сразу ко всем присутствующим.

– Вот Анастас сейчас нам всё объяснит, – не зная, что ответить по существу, Михаил перевёл вопрос на хозяина.

– Да, да, я сейчас всё расскажу, – ответил Анастас. – Во-первых, я очень рад видеть и чувствовать вас здесь. Мы могли бы пообщаться и на расстоянии, но, большая моя практика проведения совещаний показывает, что обсуждение с коллективом каких-либо вопросов лучше делать, глядя каждому в глаза, ощущая дыхание и чувствуя пульс биения сердца и мысли.

– Вот как, Володя, – уже научившись у Одинцова ироничной манере разговора, обратился Михаил к Владимиру, – сейчас ты будешь смотреть мне в глаза, а я постараюсь проверить пульс биения твоего сердца.

– Не шути, Миша, – прервал его Анастас, – У меня есть важное сообщение для вас, и хочу услышать ваше мнение.

– Хорошо, мы слушаем тебя, Анастас, – Вова был настроен менее игриво, чем Михаил, хотя по возрасту и своему статусу он бы более подходил для такой роли.

– Я нужна вашей компании? – подала из кухни свой голос Светлана.

– Да, Светочка. Лучше было бы, чтобы ты находилась здесь, с нами, – мысленно ответил ей Анастас.

– Чтобы тоже заглядывать мне в глаза?

– Глядя в твои глаза, у меня лучше работает голова, – решил немного польстить жене Анастас.

Как-то не совсем уместно говорить про этот коллектив, что он теперь в полном составе находится в одной комнате. Но, пожелание Анастаса вынуждает сказать: «теперь все они рядом и могут начинать совещание».

– Я хочу с вами поговорить о нашем общем деле, – начал беседу хозяин.

– Мы уже давненько не беседовали о наших делах, – вступил в разговор Володя, – и я, честно говоря, сейчас не совсем представляю, о чём идёт речь.

– Я напомню вам об этом, – Анастас на минуту замолчал, обдумывая, как лучше приступить к обсуждению. – Все мы, ребята, так или иначе, в разное время и разными способами подверглись позитивному и полезному энергетическому воздействию сверх развитых пришельцев с планеты Гениании. Мы, в результате этого воздействия, стали «белыми воронами» в нашем земном сообществе. Мы не такие, как все жители Земли. Мы, как бы частичка связующего звена между Землёй и Генианией.

– Стасик, ты, слишком издали начинаешь разговор, нам всё это известно уже давно, – прервала жена торжественную речь Анастаса, – Давай более конкретно и менее возвышенно. Как на совещании у директора. Ты же прекрасно знаешь, как там это происходит.

– Хорошо, хорошо, Светочка. Однако, без напоминания о том, кто нас привёл к сегодняшней ситуации и какие цели мы поставили себе, я не могу чётко сформулировать то, зачем я сейчас всех пригласил сюда.

– Да, видимо, серьёзное дело задумал Анастас, если всё начинается так торжественно и загадочно, – ни к кому конкретно не обращаясь, прокомментировал Михаил начало выступления своего «учителя».

– Нет, Миша, я ничего нового не задумывал. Всё это мы уже обсуждали неоднократно и решали, как нам вести себя в сложившейся ситуации. А сейчас я хочу ещё раз всё обговорить только потому, что я в новых обстоятельствах на некоторое время отойду от наших дел. Вы будете действовать самостоятельно, без меня.

– Что же это за обстоятельства, которые смогли заставить тебя, Анастас, нас бросить? – с некоторой долей растерянности спросил Вова.

– Нет, Вовочка, я не бросаю вас, и главное своё дело не оставляю. А причина в том, что у нас в семье, как вы знаете, намечается прибавление, и я не могу допустить, чтобы наши, ещё не рождённые, как в своё время Аня, дети подвергались воздействию сильных энергетических полей. Я бы не простил себе, если бы у нас снова родились полужемные-полугенианские дети.

Светлана, молча, сидела и благодарно смотрела на своего мужа, понявшего, наконец, её беспокойство и принявшего конкретные действия для сохранения их будущих детей. Она ничего не говорила ни в поддержку Анастаса, ни против прекращения его контактов с ребятами.

Она прекрасно понимала, что Анастас не сможет полностью оставить без помощи своих друзей, которых сам же привлёк к задуманному им и, поддержанному генианцами, делу. Кроме того, Светлана понимала и то, что даже если Анастас и не будет часто общаться с друзьями и работать с мыслетроном, это всё равно не исключит энергетического воздействия на деток сильными мыслительными полями Анастаса и её, Светланы, матери, в утробе которой эти детки зародились и теперь развиваются.

– Почему ты говоришь, Анастас, «наши, не рождённые дети»? – не мог понять Вова смысла только что сказанных слов.

– Потому, Вовочка, что у нас будет двое деток, – помогла Светлана Анастасу ответить на поставленный вопрос, – мальчик и девочка.

– Вот это да! – произнёс, наконец, молчавший до сих пор Михаил. – Как же это? Что же теперь будет? Ну, вы молодцы.

Совсем, обалдевший от такого сообщения, пробубнил какие-то глупые фразы Миша. Он, считавший себя докой во многих жизненных вопросах, но, никогда не имевший, ни семьи, ни детей, не смог понять простого, природного явления – рождения детей, которое оторвало бы Анастаса от главного своего предназначения – от переделки людей и мироустройства в целом.

Вова громко захлопал в ладошки, одобряя, сказанное Светланой. А Миша, ещё не признав важности предстоящего в семье Одинцовых события, решил поддержать Володю увеличением своих энергетических сигналов. Анастас и Светлана, засмеявшись, дружно зааплодировали. Напряжённая до сих пор обстановка разрядилась.

– Теперь опять по делу, – снова вступил в разговор Анастас, – всё, что мы намечали здесь раньше, должно продолжаться и далее без моего участия. Ты, Михаил, будешь в своём заведении завершать полную реорганизацию. Я понимаю, что сознание таких людей, какие обитают там у вас, быстро переделать невозможно. Они годами, а некоторые десятилетиями, формировали свой образ жизни, извращённое восприятие мира. Переделка их – дело нелёгкое, но оно не должно занимать много времени. Да и тех, кто был на начальственных должностях, и даже служащих охраны и контроля, тоже сложно превратить в гуманных, адекватных людей. Так что, Михаил, если ты раньше времени не захочешь выйти оттуда, тебе предстоит сложная, но благородная работа.

– Мы уже обсуждали не единожды этот вопрос, Анастас, – ответил Михаил на деловую речь Одинцова. – Я твёрдо намерен довести начатое дело до конца. Не такой я человек, чтобы отступать от своих намерений. Никогда я этого не делал, не изменю своим привычкам и сейчас.

Присутствующие здесь Анастас, Светлана и Володя, одобрительно переглянувшись, улыбнулись. Им, в отличие от Михаила, это сделать было легко. Они свои эмоции и чувства могли выражать мимикой, гримасами или улыбкой. Михаил этого не видел, но почувствовал некоторое увеличение положительного потенциала.

– Прекрасно, Миша, – продолжал Анастас, – в отличие от тех людей, о которых мы сейчас говорили, сам ты быстро перестроился и окончательно решил заниматься переделкой нашего несовершенного мира.

– Михаилу было легче измениться, ведь он попал под непосредственное и мощное воздействие твоего, Анастас, энергетического поля, да ещё и усиленного мыслетроном, – высказал своё мнение Володя.

– И пребывание на Гениании закрепило все эти изменения, – поддержала Светлана.

– Да, это так, – согласился Анастас, – но, мы не должны терять надежду на успех Михаила в его благородной миссии.

– Не волнуйтесь, друзья мои, я буду настойчиво и усердно работать, – подвёл итог этой части разговора Михаил.

– Теперь главное, для чего я вас пригласил сюда, – Анастас не мог избавиться в разговорах от деловой манеры, которую он неоднократно слышал на совещаниях у директора, и при-

менял в своём отделе в беседах с сотрудниками. – Как я уже сказал, до рождения наших детей я не буду включать свой мыслетрон. Поэтому все заочные разговоры отменяются и, только в самых экстренных случаях, я могу подключиться к решению того или иного вопроса. Это будет происходить не здесь, у меня дома, а где-нибудь в другом месте. Ты, Михаил, будешь обращаться ко мне только через Володю или Сергея. И тогда, если возникнет необходимость, мы встретимся на другой площадке. Ты меня понял, Миша?

– Да, мне всё ясно, – ответил Михаил.

– А ты, Вова, будешь помогать Михаилу, как своему лучшему, закадычному другу, – съязвил Анастас. – Расскажешь о нашем разговоре Серёже, чтобы он тоже был в курсе всех наших дел.

– Я понял тебя, Анастас, – согласился Володя.

– И снова к тебе, Михаил, – продолжил Одинцов развивать начатую тему, – задачи которые мы поставили на прошлых наших встречах, остаются теми же. Аккуратно, но настойчиво, продолжай воздействовать на мозги находящихся рядом с тобой людей, чтобы они, всё происходящее с ними и вокруг них, воспринимали как естественный ход событий. То же самое касается и руководящего персонала. Сколько человек на сегодняшний день с твоей помощью покинули тюремное заведение, или, оставаясь там, изменили своё поведение и образ мышления?

– Вышли из нашей компании по «амнистии» двое: мой сосед по палате – старенький и больной человек, и ещё один корешок – дружан Лютого, – совсем молодой, и, ещё не до конца испорченный казённой жизнью, парнишка. Он, после исчезновения Лютого, слетел с катушек и стал вытворять необъяснимые поступки. То он набросится на своего сокамерника, пытаясь проучить его за прошлые дела, но, будучи ещё слабосильным, сам получал «на орехи». А однажды он на прогулке решил прикончить конвоира и сбежать, но, как вы понимаете, это ему не удалось.

– Как его звали? – спросил Володя.

– Митяй, кажется. Да, Митяй.

– И что с ним стало потом? – снова поинтересовался Володя.

– Освободили его «по амнистии». С моей помощью. Да и немного ему оставалось отгубить, но пожалел я его. Совсем молодой. Хотелось бы человека из него сделать.

– А где он теперь?

– Не знаю. Я настроил его на учёбу.

– Неплохо было бы проследить и далее за его судьбой, – Анастас, как всегда, старался свои дела доводить до конца. – Может быть, ты, Вова, попробуешь узнать что-нибудь о нём?

– Конечно, Анастас, я знаю, где он живёт. Попытаюсь выяснить, как у него обстоят дела на свободе.

– Вот и хорошо. Теперь далее. Наше произведение – мыслетрон пока включаться не будет. Если нужна будет помощь, как я уже говорил, связь со мной – только через Володю или Серёжу.

– Я уже понял, – согласился Михаил, – здоровье будущих детей – прежде всего.

– Именно так, – подтвердил Анастас. – А ты не задерживайся со своими делами. Ведь и тебе там оставаться не совсем сладко.

– Мне не привыкать. Да и условия у меня теперь другие. Меня переселили с лазарета в общую камеру, но доктор приходит ко мне два раза в день. А заодно и здоровьем моих сокамерников интересуется. Питание у нас сейчас, как в санатории, хотя я там никогда не бывал и ничего об этом не знаю, – речь Михаила теперь совсем не была похожа на ту, которая раньше звучала из его уст, хотя, время от времени, и проскакивали некоторые блатные словечки.

– Ко времени появления на свет моих близнецов у тебя должно быть всё закончено. На месте вашего «достопочтенного» заведения должен быть тот самый санаторий. Вот тогда ты и узнаешь, как питаются люди в таких учреждениях, если захочешь, – Анастас посчитал, что

все основные рекомендации он уже выдал и можно завершать встречу единомышленников. – Кажется, всё обговорили, можно и расходиться. Есть ко мне вопросы?

– Вопросов нет, только одно пожелание: чтобы всё у вас прошло благополучно, и детки родились здоровенькими.

– Да, это главное, – поддержал Михаила Володя.

– Передавай Серёже привет и наше полное уважение.

– И от нас персональный привет брату, – наконец, высказалась Светлана.

– Спасибо.

На этом встреча закончилась. Михаил, попрощавшись, мгновенно удалился, и Володя направился к выходу.

– Я тебя не узнаю, милый. Это на тебя не похоже, – обратилась Светлана к мужу. – Ты теперь до конца будешь мой? Мой, и наших будущих детей? Наконец-то, я дождалась от тебя полного внимания. Я люблю тебя.

– Я тебя тоже, – скромно, но очень к месту признался Анастас, обняв Светлану.

– Будут у нас детки, и счастье снова поселится в нашем доме.

Глава 4

Прошло некоторое время после встречи и разговора о будущем друзей Анастаса. Он продолжал ходить на работу. Дела у него в отделе шли успешно и без срыва плановых сроков. Эксперимент с использованием мыслетрона для «подкачивания» энергетического поля сотрудников оказался очень удачным. Никем из них не было замечено какого-либо вмешательства в их мозговую деятельность, но работа шла весьма плодотворно.

После трудового дня Анастас вовремя приходил домой. Он был свеж и доволен своей деятельностью.

Светлана счастливая и радостная встречала мужа с улыбкой и приятными новостями.

– Сегодня я опять была у доктора, Стасик. Он обследовал меня, понаблюдал наших ребятшек и остался доволен. Всё идёт без нарушений, как и положено для мамы и двух деток.

– Я очень рад, дорогая, – ответил Анастас, всем своим телом и душой ощущая радость и удовлетворённость Светланы.

– Доктор сказал, что наши детки активны, развиваются быстро и правильно. Даже пошутит: «они там уже разговаривают между собой».

– Как разговаривают? Они же в утробе, да и маленькие ещё совсем, – почувствовав некоторую двусмысленность в словах доктора, высказал удивление Анастас.

– Это была шутка, Стасик, – Светлана, ослеплённая счастьем и радостным ожиданием, не допускала даже мысли о том, что теперь у них могут родиться дети с какими-то отклонениями, не похожие на обыкновенных человеческих детей.

Анастас нежно положил свои руки на округлившийся живот любимой и успокоился, почувствовав тепло её родного тела. Не включая мыслетрон, Анастас продолжал время от времени общаться со Светланой без слов, только путём передачи мысли по энергетическому каналу. Для них обоих такое общение уже давно стало привычным и не вызывало никаких недоразумений. Это было удобно, и они почувствовали бы определённый дискомфорт при внезапном исчезновении такого способа общения.

Однажды вечером, когда Анастас только что появился дома после работы, они оба ощутили сильное изменение энергетического поля. Светлана внимательно посмотрела на мужа, прикоснулась ладошками к его голове и спросила:

– Ты включил мыслетрон?

– Нет, не включал, он лежит у меня в столе.

Они сидели за столом в кухне и не могли ничего понять. Оба почувствовали давление в головах. Послышался шум, знакомый Анастасу с того самого времени, когда он впервые в лесу встретился с генианцами.

– Стасик, что происходит? – всполошилась Светлана, ничего не понимая.

Анастас, молча, смотрел на жену и сам готов был задать ей такой же вопрос.

Вдруг, из комнаты донёсся знакомый, но уже подзабытый голос:

– Мамочка, папуля, где вы?

Анастас выскочил из-за стола и быстро направился в комнату, где уже давно неподвижно лежало тело их дочери Анюты. Он открыл дверь и не мог сделать больше ни одного шага. В кровати сидела девочка, повзрослевшая, но очень похожая на Анюту.

– Светочка! – наконец, произнёс Анастас, – иди скорее сюда, наша дочурка к нам приехала.

Анастас не подбирая слова и так, «по земному» определил появление в их доме Анюты.

Светлана спокойно, поддерживая руками живот, приблизилась к Анастасу. Увидев дочь, сидящую в кровати, она медленно начала опускаться на пол, потеряв сознание. Муж успел

подхватить её и посадить в кресло возле кровати, на котором, бывало, Светлана проводила много-много времени, разговаривая с неподвижным телом дочери.

– Мамулечка, мамочка моя родная, это я – Анюта. Папочка, подойди ко мне, я обниму тебя.

Анастас, не ожидая сегодня такого события, и, не веря ещё в его действительность, оставил, на секунду, сидящую в кресле Светлану, сделал шаг, потом другой, и вдруг, бросился обнимать дочь. Анюта своими бледными и совсем худенькими ручками обхватила шею отца. Они целовали друг друга, что-то шептали и не могли оторваться, когда Светлана, очнувшись, тоже подошла к ним.

– Доченька, доченька, Анюточка, – говорила она, пытаясь обнять её, но они с отцом были неразделимы, и Светлана обняла их сразу обоих. Слезы заливали её лицо, и мокрые щёки всех троих, ещё плотнее прижимались друг к другу. Минуту, две, или больше, они стояли, слившись в единое целое, даже не пытаясь освободиться, осмотреться.

– Дай я на тебя гляну, – наконец, произнесла мать. – Дочурка моя ненаглядная. Как я соскучилась по тебе. Как долго я тебя ждала.

Анастас, молча, обнимал и целовал дочь. Впервые, за все годы его отцовства он так бурно проявлял свою нежность. Любил он её и раньше, когда она была совсем маленькой и ещё земной девочкой, но чувство любви к ней он не проявлял так страстно никогда.

– Милые мои, папочка и мамочка, – наконец, удалось и Анюте произнести несколько слов, – я тоже скучала. Я никогда вас не забывала.

– Ты совсем не изменилась, только повзрослела, дочка. Несколько месяцев ты была покрыта одеяльцем и не показывалась нам. Ты так выросла, – прижимая дочку, говорила Светлана.

И действительно, когда Анюта лежала в кроватке, не были заметны изменения её тельца. А оно росло. Росло значительно быстрее, чем должно было бы вырасти в нормальных условиях. Всего несколько месяцев! Но на Гениании прошли годы. Анюта жила там и выросла по тем же природным генианским законам. Тело, хоть и находилось на Земле, развивалось в соответствии с взрослением генианского существа по имени Калеона. Оно росло, только, к сожалению, солнечных лучей, нашего солнечного света, оно не видело, и было бледным, да и мышцы без движения стали слабенькими, недоразвитыми.

– Худенькая какая, девочка моя, – всё ещё поглаживая дочку, – приговаривала Светлана. – Не кормит тебя, что ли, твой муж?

Обезумев от счастья, мать не осознавала нелепость своих вопросов. Да, она и не ждала ответа. Она просто радовалась, она любила, она ласкалась.

– Ну, мы тебя здесь поправим. Откормим мы с отцом тебя.

– Светочка, что ты выдумываешь? Зачем её откармливать? Она и так в норме. Надолго ты к нам, дочка? – заговорил Анастас.

– Нет, папочка, мы с Калеонием, то есть с Иллианом, прибыли сюда на несколько дней. У него здесь не много дел, он получил внеочередное задание. Как только оно будет выполнено, так мы и отправимся обратно.

– С каким Калеонием, Анюточка? У тебя другой муж? – уловила Светлана два имени, произнесённые дочерью.

– Нет, мамочка, – по земному, улыбаясь, ответила Анюта. – Так на Гениании зовут моего Иллиана. Там всем дают новые имена, когда они женятся или выходят замуж.

– Иллиан тоже с тобой? – спросил Анастас, – почему я его не чувствую?

– Да, папочка, как я уже сказала, он прибыл со мной вместе. Только сейчас его рядом нет, он появится позже.

– Иллианий прибыл с вами?

– Нет, мы – вдвоём. Я настояла на этом визите. Очень уж хотелось поскорее увидеться с вами, – сказала Аня и снова обняла маму с папой.

– Ну, расскажи, Аня, как ты там живёшь? Нет. Погоди. Давайте пойдём в кухню. Я покормлю тебя с дороги, – вспомнила мать о своей обязанности и, опять не подумав, сказала некую глупость.

– Какая дорога, мамочка? – снова улыбаясь, уточнила дочь, – Вся дорога у нас заняла секунду времени. Один миг. Да и питаемся мы там другой пищей. Энергетической.

– Вот как? Ну, ладно, там вы, чем хотите, тем и питайтесь, а здесь я покормлю тебя нашими пельменями. Салатик для тебя приготовлю. Вон, какая ты худышка, – не отступала Светлана.

– Ну, пойдёмте, пойдёмте, – согласилась Аня. Наконец, она перекинула свою ножку через спинку кровати и оказалась на полу рядом с Анастасом.

– Ты уже росточком почти с папу. А я не замечала, как ты выросла.

– Время у нас идёт быстрее, чем здесь. И расту я по тому времени. Вот Калеоний, нет – Иллиан, говорит, что скоро нам надо деток родить.

– Каких деток, дочка? Ты сама ещё дитя малое, – по-бабьи запричитала Светлана. – Стасик, ты слышишь, что она говорит? Сама недавно с пелёнок вылезла. И тоже – деток родить!

– Света, не равняй нашу жизнь с жизнью генианской. Там всё по-другому.

– Это что же, скоро мы будем бабушкой и дедушкой? Да, нет. Это невозможно. У нас, у самих скоро будут детки. Значит, мы будем дедушками и родителями одновременно?

– Какие детки у вас будут, мамуля? Ты с ума сошла от радости? – спросила Аня.

– Нет, милая. Я не сошла с ума. А детки у нас будут на самом деле. Вот смотри, – и Светлана показала на свой округлый живот.

– Это что такое? – не поняла Аня. – Ты поправилась?

– Да, поправилась – улыбнувшись, ответила Светлана, – только от такой поправки дети и рождаются.

Анюте на Земле не пришлось узнать про естественный процесс рождения детей, а там, на Гениании, всё это происходит совсем по-другому. Поэтому сообщение матери было для неё неожиданным и непонятным.

Они пришли в кухню, а Аня всё ещё вопросительно смотрела на живот матери. Она пыталась осознать слова, сказанные Светланой, и привыкнуть к мысли, выраженные этими словами.

Несмотря на то, что Аня была уже генианкой, нечто земное, человеческое ей ещё было присуще. Она по-детски испытывала чувство ревности. Вот кто-то появится у её матери, и она, Аня, уже не будет таким любимым, единственным существом. Это необъяснимо. Уже вырвавшись из гнезда родителей, покинув своё родное тело, Аня ещё чувствовала крепкую связь с матерью и отцом. Она желала быть единственной, любимой. Не хотела она кого-то впускать в пространство между ней, Анютой, и родителями. Видимо, это закон природы, и работает он на всех планетах.

– Мамочка, ты сказала «будут детки». Это значит, что деток будет много? – наконец, вымолвила Аня.

– Нет, дорогая моя, не будет их много. Всего только двое.

– То есть, вы с папой заказали двоих?

– Не заказывали мы их, Анюточка. Так было богу угодно.

– Богу? А у нас на Гениании количество детей в каждой семье назначает специальная демографическая комиссия. Она определяет, когда и сколько детей может быть рождено у молодой семьи. Для этого комиссией делается специальная программа и, в соответствии с ней, в определённое время в семье появляются дети. Мой Калеоний уже подал заявку в комиссию, и вскоре мы получим ответ с результатами проработки нашего вопроса.

– Анюточка, почему комиссия занимается вашими семейными делами? Это же личное дело каждой семьи, – Светлана не понимала смысла сказанных дочерью слов.

– Потому, что рождение детей не производится хаотично. Комиссия контролирует, когда и сколько генианцев уходит из жизни, в соответствии с отпущенным количеством для каждого временем. Чтобы на планете был постоянный баланс не только живых генианцев, но и соотношение разных поколений, комиссия и выдает претендентам квоты и соответствующее количество материала для этого.

– Какого материала, дочка? – заинтересовался информацией Анастас, услышав такие слова Анюты, – и откуда ты это всё знаешь?

– Мне Калеоний всё объяснил, когда мы обсуждали наши планы по поводу будущей нашей семьи.

– Не называй его Калеонием, Анюточка, – попросила Светлана, – мы привыкли слышать имя Иллиан.

– Мне тоже больше нравится прежнее имя, – поддержал её Анастас. – Так, что там говорят по поводу материала?

– Я подробности не знаю, папочка, но, Калеон... Иллиан говорил мне, что дети на Гениании являются не только результатом любви родителей, но и энергетической добавкой из общего генианского фонда. Этот фонд всегда должен оставаться постоянным, чтобы на планете всё время было постоянное количество жителей. Там всё строго рассчитано и уравновешено.

– Как это плохо, доченька, – понемногу начала вникать Светлана в суть генианской жизни. – Всё рассчитано, распланировано. Не делай того, не совершай этого. Как у нас в определённые годы был порядок «шаг вправо, шаг влево – расстрел».

– Да, уж. Были времена! – поддержал её Анастас.

– Но, благодаря этому там и устроена нормально вся жизнь. И планета находится в идеальном порядке.

– Да, я это подтверждаю, – поддержал отец высказывание дочери. – Изъянов в обустройстве планеты там не найти.

– А вот и Калеоний появился, – обрадовано воскликнула Анюта, – вы его видите?

– Да, дочка, мы почувствовали. Здравствуй, Иллиан, – приветствовала зятя Светлана.

– Привет, Иллиан. Мы очень рады снова встретиться с тобой на нашей родной Земле, – с нескрываемой радостью воскликнул Анастас.

– Здравствуйте, мне тоже очень приятно снова пообщаться с вами. И вдвойне я рад оттого, что моей любимой жене представилась возможность осуществить свою мечту. Она уже давно говорила о желании посетить родной дом, увидеть и, как у вас говорят, «обнять вас».

– Ох, дочурка, спасибо тебе, что не забыла нас, – на глазах у Светланы появились слёзы, – такую радость ты нам с отцом сегодня принесла. Такую радость!

Мать снова крепко обняла дочку и долго не выпускала её из рук.

– Как ваши дела? Здоровы ли родители? Не прибыли они сегодня к нам? У вас есть работа здесь, на Земле? Надолго вы к нам? – от радостной встречи и волнения Анастас не мог остановить поток вопросов.

– Подожди, Стасик, – попросила его Светлана. – Дай я спрошу о главном. Иллиан, скажи, пожалуйста, когда вы планируете завести детей? Сколько их будет?

– По решению нашей демографической комиссии нам предписано иметь только одного ребёнка.

– Скоро ли это будет? Ведь, Анюточка ещё сама ребёнок.

– Светочка, наша Анюта уже замужем, – решил подкорректировать Анастас вопрос жены.

– Это должно произойти через два, с небольшим, года. Два наших – генианских года. По вашему календарю это составит несколько месяцев.

– Ой, – воскликнула Светлана, – к этому сроку и у нас должны появиться детки.

Наступила тишина в комнате. Каждый из присутствующих по-своему пытался оценить информацию от Светланы.

Анастас всё ещё надеялся получить ответы на заданные вопросы, но Иллиан не спешил. Он, видимо, тоже был обескуражен неожиданным сообщением земной тещи и пытался оценить его с точки зрения генианской жизни.

– У вас будут дети? – спросил он Светлану.

– Да, да, двойня, – с некоторой долей радости и гордости ответила она.

– А у нас дети в семье рождаются только однажды. На второе рождение комиссия очень редко выдаёт разрешение.

– Да у вас всё не по-людски, – очередную глупость произнесла Светлана.

Анастас укоризненно посмотрел на неё и крепко сжал её руку, как бы, намекая этим, «думай, что говоришь».

– Это правда, – попыталась Светлана сгладить неудобную ситуацию, – на Земле люди сами решают, когда им заводить детей, и сколько.

– Вот поэтому у вас и существует полный хаос в вопросах деторождения. В одном месте на Земле сильное перенаселение, а в другом – пустота, – Иллиан, как совершенно полноценный генианский представитель на Земле и уже много повидавший здесь, констатировал существующие факты и оценивал их с точки зрения их, генианской жизни.

– Мы не доросли ещё до вас, – Анастас решил подвести итог этой части разговора и снова спросил, – где твои родители? Они здесь, на Земле?

– Нет, Анастас. Извини, я не называю тебя по земному и по родственному «папа». У нас так не принято. Мои родители не прибыли сейчас вместе с нами на Землю. У них другие планы, совершенно теперь не скорректированные с нашими, моими и Калеоны, планами. Это тоже определяет комиссия по межпланетным экспедициям.

– Всё-то у вас распланировано, и всё за вас решает какая-нибудь комиссия, – разочаровываясь в правилах генианской жизни, снова, высказала своё отношение к этому вопросу Светлана. – Мне не нравятся такие порядки. Я бы не хотела там жить.

– Светочка, Гениания – идеальная планета, и там живёт высокоразвитое общество, – опять попытался Анастас приостановить рассуждения жены. – Нам ещё долго-долго надо развиваться, чтобы приблизиться к их образу жизни.

– Не знаю, Стасик, как долго нам надо развиваться, но сейчас, я бы, не согласилась жить так, как они. Бедная Анюточка.

– Калеона счастлива там, и ей не нужно другое общество, другие правила жизни, – с некоторой долей обиды за свою Генианию, сказал Иллиан. – Это правда, Калеона?

– .... Да, конечно, дорогой Калеоний, – задумчиво произнесла Аня. В её голосе мать уловила нотку сомнения или сожаления. – Мне с тобой везде хорошо.

– А вы здесь долго будете, Иллиан? – спросил Анастас. – Какие у вас планы?

– У меня предусмотрена работа на три-пять земных дней. Другие сроки будут зависеть от желания Калеоны. Если ей захочется раньше этого срока возвратиться на Генианию, я сверну или перенесу на другое время свои дела. Комиссия разрешила мне так сделать.

При этих словах на лице Светланы появилась ироническая улыбка.

– А как ты поступишь, доченька? – спросила она, глядя в глаза Аняте.

– Я не знаю, мамочка. Как скажет Калеоний, Иллиан.

– Мне бы хотелось услышать твоё мнение, Анюточка, – не сдавалась мать. Сейчас она не была похожа на прежнюю Светлану – добрую, приветливую, любящую. Новая нотка появилась в её голосе. Видимо, часть её, наверно, уже большая часть, прежней любви к дочери перешла к ещё не рождённым, но, таким желанным детям.

– Ты погостишь у нас недельку-другую? – продолжала она спрашивать у Аняты об её планах.

– Мамочка, я так соскучилась. Я очень люблю вас. И моих братика и сестричку я уже полюбила.

Анастас переглянулся со Светланой, услышав слова Анюты.

– Как быстро ты полюбила, доченька, не видя и не зная их. Похоже, что скоротечная генианская жизнь изменила тебя, приучила к принятию быстрых решений, – всё ещё не успокоившись и не смирившись с генианскими правилами жизни, сказала Светлана.

– Мамочка, я уже пообщалась с нашими двойняшками. Они очень милые и родные, – неожиданно для родителей, сообщила Анюта.

– Как? Как ты могла общаться? – затаив дыхание и дотронувшись до руки дочери, спросил Анастас. Последние слова дочери привели его шок. Он, при своём мощном энергетическом потенциале, ещё не чувствовал, не слышал мыслей пока не рождённых детей. А она, Анюта, сразу нашла с ними контакт. Краткая жизнь на Гениании в корне изменила её сущность, её способности. Анастас пытался осознать это. Ему было и горько и радостно одновременно. Горько от понимания того, что их будущие детки, так ожидаемые и оберегаемые от воздействия высоких энергетических полей, уже подверглись этому и достигли неслыханного, непредсказуемого уровня развития. А радостно Анастасу было потому, что теперь, вопреки его желанию, уже налажены родственные отношения между ушедшей от них дочерью и будущими её братом и сестрой. Родителям всегда хочется, чтобы их дети знали, любили друг друга и, при необходимости, оказывали помощь. Справедливость такого естественного человеческого желания Анастаса не укладывалась в его голове рядом с абсурдностью жизненной ситуации, в которой оказалась Анюта и пока ещё неопределённостью её брата и сестры.

– Да, папочка, они уже разумны, очень хорошенькие, – видя растерянность отца и матери, призналась Анюта. – Я очень люблю их, и мы будем дружить.

– Нет, доченька, – с явно выраженной злостью, сказала Светлана, – я не позволю им быть рядом с тобой. Я не хочу, чтобы они знали что-нибудь другое, кроме жизни земной.

– Светочка, что ты говоришь? – вмешался Анастас, – это же наша дочурка Анюточка. Она любит нас. Она прибыла сюда, чтобы увидеться с нами. И своих, кровных, брата и сестру она тоже будет любить, и встречаться с ними здесь, на Земле.

– Только на Земле, и нигде больше, – как отрезала, сказала Светлана. – Извини меня, дочка. Я сама не знаю, что говорю. Я очень люблю тебя и рада видеть здесь, у нас, – наконец, попыталась она восстановить прежний настрой в общении близких, родных людей. – Так у нас, женщин, бывает во время беременности. Это и плохо и хорошо. Плохо потому, что чувствуется полный дискомфорт и временами боль.

– А хорошо почему? – спросил Анастас.

– Потому, дорогой мой, что, прочувствовав боль вынашивания и рождения ребёнка, будешь знать, как дорого тебе твоё дитя.

– Наши женщины освобождены от предродовых и родовых мучений, но, тем не менее, они тоже любят своих детей, – попыталась Анюта оправдать генианские условия и защитить генианских женщин.

– Как же они вынашивают и рожают детей? – заинтересовалась земная женщина.

– Специальные генианцы – представители демографической комиссии – отбирают у будущих отца и матери части их жизненных энергий, и помещают их в родовые сосуды с особой генианской энергией. Там происходит слияние двух сгустков энергии, имеющих одинаковую частоту. В результате получается одно энергетическое формирование, то есть дитя двух генианцев. Вот и у нас уже были взяты части наших жизненных энергий, и поэтому у нас тоже скоро будет ребёнок. Наш Калеон.

– Легко генианским женщинам, – прокомментировала Светлана, – только всё равно я вам не завидую.

– Почему, мамочка?

– Потому, что должна быть любовь. Только в любви рождаются желанные дети. Поэтому они называются «любимые».

– Но, мы с Илланом любим друг друга. И детей будем любить, – Анята совсем запуталась, называя своего мужа то одним, то другим именем.

– Мама права, дочка, – поддержал Светлану Анастас, – любовь, в результате которой рождаются дети, – это великое, светлое чувство и, к тому же, огромное наслаждение. ЛЮБОВЬ! ДА. ЛЮБОВЬ И РАЗУМ! Эти два атрибута должны быть присущи человеку с момента его зачатия и до последних дней его жизни на Земле.

– Мне очень жаль, Аняточка, что ты не испытаешь такого наслаждения, – погоревала Светлана, – и я всё сделаю, чтобы мои будущие дети не повторили твою судьбу.

– Я снова поддерживаю маму, – Анастас бережно за плечи обнял свою жену, – и всеми силами буду помогать ей в этом.

Светлана повернулась к мужу и нежно прикоснулась губами к его щеке.

– Вот такой у нас получился разговор, – тихо сказала Светлана. – Мы сидим в кухне, обед стоит на столе, а никто к нему даже не притронулся. Вот твои любимые вареники со сметаной, дочка. Ты была маленькая, но, с большим аппетитом тогда их поглощала.

– Если съедание двух-трёх вареников можно назвать поглощением, – Анастас с удовольствием перешёл к новой, более земной, теме разговора и обратился к Иллиану:

– Ты всё время молчал, Иллиан, так хоть порадуйся за свою жену, которая сейчас будет наслаждаться земными радостями.

– Я не хотел вступать в ваш диалог, видя, что моя Калеона полностью стала генианкой, и, радуясь тому, как она, умело, защищала наши генианские законы жизни. А теперь я тоже с большим удовольствием буду радоваться за неё, если и она получит земное наслаждение.

Светлана положила только что приготовленные вареники на тарелку и подвинула её ближе к Аняте.

Дальше обед проходил в тишине. Анастас и Анята уплетали вареники, а Светлана, улыбаясь, смотрела на свою дочку.

– Милая моя, как ты изголодалась. Скажу тебе по секрету: первое время, когда ты унеслась в те далёкие края, я не раз подходила с тарелкой к твоей кровати и пробовала накормить твоё тело.

– Она с ума сходила тогда, дочка, – прокомментировал слова Светланы Анастас. – Только потом, выйдя снова на работу, она понемногу успокоилась. Но, любовь к тебе у неё меньше не стала.

– Милая моя, мамочка, я тебя понимаю, – съедая очередной вареник, – прошептала Анята.

– Я рад был снова увидеть вас, Анастас и Светлана, – вступил в разговор Иллиан, – а теперь я оставляю ваше общество. Вы наслаждайтесь, общайтесь, а я должен покинуть вас на некоторое время и заняться решением той задачки, которую поставила перед моим отбытием межпланетная комиссия.

– Опять ваши комиссии! Всё они решают! – с явным скептицизмом сказала Светлана. Анастас укоризненно посмотрел на жену, которая снова нелестно отзывалась по поводу генианских комиссий.

– Да, это так. Ну, до встречи. Я появлюсь дня через два-три.

– До свиданья, До встречи, – дружно ответили все сидящие за столом, провожая того, кто был рядом, но которого не было видно.

Через секунду все почувствовали ослабление давления внешнего энергетического поля, а у Аняты поменялось выражение лица. Оно стало, менее светящимся и более земным. Чувство любви – земное или генианское – озаряет любимого и любящего субъекта.

Следующие несколько дней семья Одинцовых провела в разговорах, объятьях, совместных прогулках.

Глава 5

После встречи с друзьями в квартире Одинцова Михаил развил бурную деятельность. Он никогда ранее не занимался составлением планов, программ на длительные промежутки времени. Правда, когда раньше, в былые времена, попадалось ему нечто интересное, и нужно было проверить какое-нибудь дельце, он основательно готовился к нему, просчитывал разные варианты его осуществления. Благодаря такому подходу к предстоящей операции, у него всегда всё гладко проходило и заканчивалось благополучно. Только вот, в последний раз, фортуна отвернулась от него, и неожиданная встреча с братьями-близнецами привела его к тому месту, в котором он и находится теперь.

Однако назвать такой исход последнего его дела неудачным было бы совсем несправедливо. Михаил встретился здесь с интересными экземплярами тюремного сообщества, и жизнь была наполнена такими неожиданностями, о которых он на воле даже не мечтал бы. Один Лютый только чего стоит! Очень занимательный экземпляр! Умный, хитрый, способный, изворотливый. С таким было интересно пообщаться. И Михаилу в этом повезло. Они корешались, соревновались и втайне стремились подмять под себя один другого. Михаилу повезло больше – встреча с Володей, а потом и с Анастасом, в корне изменила как его мышление и поступки, так и всю будущую жизнь в целом.

Теперь не было Лютого, с которым нужно было соревноваться и побеждать, а сознание Михаила после посещения Гениании было вывернуто наизнанку, по сравнению с тем, какое оно было до приезда в этот «казённый» дом.

Миша попросил у дежурного охранника принести ему бумагу и ручку, что тот и выполнил моментально без всяких разговоров и вопросов.

– Майор Дронов приказал спросить, не нужны ли Вам какие-нибудь книги, – дрожащим голосом промямлил дежурный, когда принёс Михаилу ручку и целый альбом для рисования.

– Зачем ты мне принёс альбом? Я что, рисовать собрался? Неси быстро чистую тетрадь. А майору передай: пусть сам займётся чтением умных книг. Это ему скоро понадобится.

Молнией шмыгнул дежурный в полутёмный коридор. Только стук кованых сапог раздавался в тюремной тишине. В последнее время все просьбы Михаила, именно просьбы, а не требования, быстро и полностью выполнялись всеми служителями этого заведения. Сокамерники и соседи по лазаретной палате, где Михаил в последнее время был частым постояльцем, уважительно смотрели на него и все слова, им сказанные, воспринимали, как беспрекословные к исполнению. Он в своих корыстных целях не пользовался таким отношением окружающих его людей, но, где-то в глубине подсознания гордился своим «величием» и превосходством.

Через несколько минут сам майор Дронов доставил Михаилу несколько чистых тетрадей.

– Вот, Михаил Андреевич, выберите себе ту, которая Вам больше всего подходит, – совсем не по тюремному начальник обратился к заключённому, подавая тому три чистых, толстых тетради.

– Мне любая подходит, – ответил Михаил, взяв одну из предложенных тетрадей.

– Обращайтесь, Михаил Андреевич, если что... .

– Конечно, конечно, Геннадий Валентинович, – Миша подал руку начальнику, – мы теперь здесь одно дело делаем.

Майор Дронов быстро схватил протянутую руку, по привычке, выработанной годами при общении с начальством, дрожащими пальцами ответил на пожатие Михаила.

– Не волнуйтесь, майор Дронов, – решил Миша успокоить начальника, – у нас с Вами одна забота: перевоспитывать наших подопечных.

– Так точно, Михаил Андреевич, перевоспитаем.

– Вот тетрадь взял, составлю план наших действий на каждый день и ... вперёд к победе... Можете идти пока. Я потом вызову Вас, поделюсь своими соображениями.

– Есть... идти, Михаил Андреевич.

Михаил «перевоспитание» тюремного контингента начал с начальника. Майор Дронов не только стал забывать свои должностные обязанности, но и начал помогать и поддерживать Михаила в его деятельности. Он, вдруг, прозрел и стал понимать, что поставлен на должность начальника тюрьмы для того, чтобы заниматься перевоспитанием, убеждением своих подчинённых и всех заключённых, независимо от того, на какой срок они были сюда определены. После окончания рабочего дня он не спешил, как раньше, к семейному очагу, чтобы успокоить свои перевозбуждённые за день нервы. Дронов в сопровождение себе брал то одного, то другого своего помощника и после работы обходил тюремные корпуса. Он проверял, все ли его указания за день выполнены, разговаривал с заключёнными и спрашивал у них – есть ли жалобы и пожелания. А те сначала с недоверием относились к таким визитам, усмехались, даже дерзили, а потом постепенно привыкли и уже смело высказывались по всем своим проблемам. В последние дни, с одной стороны, в тюрьме установилась спокойная обстановка, не случилось стычек между «дельцами», а с другой стороны, не было невыполненных их требований со стороны начальства.

После ухода Дронова Михаил сел на свою обжитую лазаретную койку, взял тетрадь, ручку и задумался. Мыслей в голове было много, но порядка среди них никакого. Первые строки будущего плана давались ему с трудом.

«Работа на неделю по дням» – написал он. Начертил на листке разметки на каждый день и задумался.

«Нет, пусть на разные дни будут отдельные страницы, – думал он, – так будет легче разбираться. Места хватит – тетрадь толстая. Да и что это я так расслабился? Я что, собираюсь здесь месяцами рассиживаться? Нет, надо форсировать все эти дела. Анастас не одобрит мою медлительность. Да и самому мне уже хочется скорее покинуть эти заскоружные стены и расстаться со всеми местными корешками».

Долго что-то Михаил черкал на первой, потом на второй страницах. Но толкового так ничего и не получилось.

«Нет, на воле легче всё планировать, – сделал он окончательный вывод и отбросил ручку в сторону. – Там за кем-то проследил, подготовил инструмент, разработал планы захода и непредвиденных отступлений, и все дела на мази. А здесь надо чётко, день за днём, выполнять свою работу. Причём, пропускать нельзя, иначе труд вчерашнего дня может пойти насмарку. Кроме того, надо учитывать, что контингент здесь особый, с разным уровнем испорченности, и всех надо вывести на равную ступень сознания. С руководящим персоналом и службой охраны требуется вести обработку другого рода, но так, чтобы в результате все подопечные были одинаково подготовлены к новой жизни».

Примерно так размышлял Михаил, сидя на койке и, держа в руках так и не заполненную планами тетрадь.

Вошёл в палату тюремный доктор Афанасий Афанасьевич или, дважды Афоня, как называл его Михаил.

– Здравствуйте, Михаил Андреевич. Как Ваше здоровычко?

– Спасибо, Афоня, то есть, Афанасий Афанасьевич. Здоровычко в порядке, – как можно, более вежливо, ответил Михаил.

– Геннадий Валентинович приказал переселить Вас сегодня в привилегированную палату, так сказать, в палату для особо уважаемых клиентов. Он сказал « Вам там лучше будет работать».

– Ещё раз спасибо, но мне не нужны особые условия. Наоборот, я хочу переселиться, если Вы не будете возражать, в общую камеру. Как, Афанасий Афанасьевич?

– Ну, ну. Я не против. Только как же быть с приказаниями Геннадия Валентиновича?
– Скажете ему, что всё в порядке. Михаил Андреевич, мол, переведён в привилегированную камеру.

– Но, я не привык. Я не могу...

– Афанасий Афанасьевич, я вполне здоров, и Вы не можете, не имеете законного права держать меня в своём богоугодном заведении.

Доктор криво усмехнулся на слова Михаила и покорно согласился.

– Как прикажите, Михаил Андреевич.

– Я не приказываю Вам, доктор. Это Ваше решение. Понятно?

– Разумеется. Так оно и есть.

Миша незаметно, но довольно уверенно, без всяких расписанных в тетради планов, приступил к осуществлению, переделке сознания «вверенного ему объекта».

Через некоторое время в палате появился конвоир и, непривычно заискивающе, обратился к Михаилу:

– Мне... Вас... Перейдёте в камеру № 18.

Михаил улыбнулся и с некоторой долей сарказма, ответил:

– Как Вам угодно, командир. Я к Вашим услугам. Вещички мои подберите. Осторожненько.

– Будет сделано, – моментально, с радостью, произнёс конвоир и бросился собирать из тумбочки нехитрые пожитки Михаила.

Сапушкин, глядя на этого мельтешащего перед глазами конвоира, грустно подумал:

«Переделать таких пресмыкающихся будет непросто. У них в крови, в каждой клеточке организма уже укоренилась привычка кому-нибудь угождать, под кого-то подстраиваться, начальство ублажать. Ну, что ж, чем труднее жить, тем больше интереса и азарта» – подбодрил сам себя Михаил.

Спустя несколько минут, он уже был в общей камере № 18, где ранее провёл некоторое время.

– Здравствуйте, корешки, – весело поздоровался Михаил с постояльцами этого вонючего жилища, значительно отличающегося даже от той непривилегированной больничной палаты, откуда он прибыл.

Все восемь человек, с недоумением и опаской, глядя на известного им пахана, молча, чего-то ожидали. Они не понимали и не догадывались, почему и для чего снова привели сюда этого могучего их бывшего соседа.

– Привет, здорово, – слышалось несколько несмелых ответов.

– Тебя, что, снова на юрцы? – раздался из дальнего угла голос Хряща, бывшего соперника Митяя.

– Лепила его подремонтировал, – осмелев, наконец, после неожиданного появления Миши, произнёс Южак, – можно теперь бекасов покормить. Они любят свежатинку.

Михаил ничего не ответил на язвительные слова старшего из всех присутствующих и только подумал:

«Этого надо в первую очередь амнистировать. И Хряща тоже – а то совсем загнётся здесь».

– Что новенького у вас, корешки? – как можно, более приветливо и панибратски решил налаживать контакт Михаил.

– У нас каждый день что-нибудь новое, – опять за всех ответил Южак, – то баланда, то кандей. Иногда бердач и баш. Веселуха.

Михаил понимал камерный сленг, но после нескольких недель жизни в лазарете, а также общения с Анастасом и его друзьями, эти слова резали слух.

– Все на месте? В том же составе? – снова спросил Михаил.

– Шонька один амнистирован, – сообщил немного осмелевший Хрящ.

– Кто такой?

– Митяй отвалился.

Митяй попал под амнистию не без помощи Михаила, но он сделал вид, что это сообщение было для него новостью.

– Неплохо, – ответил он Хрящу, – я думаю, что и нам скоро будет послабление. Надеюсь на это.

Михаил, ведя этот непринуждённый разговор, приблизился к своему бывшему топчану, где до сего момента лежал Дуда. Тот быстро, без слов, вскочил, собрал свои шмотки и перебрался на верхнее место.

«Этого, как и Хряща, тоже надо побыстрее избавить от соседства с прожжёнными корешами, – думал, между тем, о своём деле Сапушкин, да и Южаку здесь уже давно делать нечего. Хватит с него, покоптил за свою жизнь тюремные стены. Но, поработать с ним придётся немало».

– Да, поскорее бы, надоело баланду хлебать, – тоскливо, глядя на Михаила, процедил сквозь зубы Хрящ.

Миша, стряхнув крошки с топчана, улёгся на него и, неожиданно для сокамерников, закрыл глаза и замолчал.

Он мысленно стал обращаться одновременно ко всем, находящимся в камере «сотоварищам».

«Все, кто рядом со мной, слышат меня и понимают всё то, что я говорю. Вы устали от прошлой воровской и бандитской жизни. Вы тоже люди и хотите достойно влиться в общество, которое честно работает и зарабатывает на хлеб честным трудом. Воровать – это плохо, грабить – недостойно, убивать – преступно. Вы не будете больше нарушать законы общества, вы ждёте помилования, прощения за свои прошлые преступления.

Михаил лежал и, раз за разом, посылал сигналы присутствующим. От напряжения и сосредоточенности на лбу у него выступил пот. Посылать свои обращения к одному человеку легко, а воздействовать на мозги сразу многим людям – требуется значительное усилие.

Проговорив ещё раз свой мысленный монолог, Михаил открыл глаза и, не поднимая головы, обвёл взглядом всю камеру. Люди по-прежнему сидели, лежали, но не двигались и не пытались разговаривать. Каждый, молча, переживал, «переваривал» мысль, зашедшую к нему в голову, и у каждого, в той или иной степени, мозги начали работать в несвойственном им направлении.

«На первый раз хватит, – пусть обдумывают только что услышанное, – размышлял Михаил, – дня три-четыре пройдёт и все эти отупевшие, зачерствевшие головы начнут думать по-иному. А молодых ещё – Хряща, Дуду – а, может быть, и отсидевшего своё, Южака, надо освободить в первую очередь».

Такой тишины в этой камере не было никогда. Даже неожиданное появление Михаила не вызвало бурных эмоций.

Глава 6

Когда, после встречи с друзьями в квартире Одинцова и продуктивного разговора о будущих совместных действиях, Володя появился дома, Вера Никифоровна и Серёжа почувствовали возбуждение и странное его поведение. Он, ни с кем из них не поздоровавшись, быстро прошёл в свой угол, сел за стол и, молча, уставился в раскрытую книгу. Серёжа оторвался от своих дел и пытался уловить мысль брата, кроме сумбурных, не связанных между собой обрывков, понять Серёжа ничего не мог.

Вошла в комнату мать и тоже с удивлением посмотрела на Володю. Она уже давно, как и Вадим Петрович, могла слышать мысли сыновей и общаться с ними без произнесения слов.

– У тебя что-то случилось, сынок? – обратилась она к Володе, подойдя к нему, и глядя его по голове.

Володя поднял глаза, с удивлением посмотрел на Серёжу, потом на мать, как будто они здесь только что появились.

– Нет, мама. Почему ты так решила?

– Вид у тебя странный: то ли сосредоточенный, то ли озабоченный. И мысли скачут, словно кони необъезженные.

– Да, Вова. Я тоже заметил странность в твоём поведении, – поддержал мать Серёжа. – Ты был у Анастаса?

– У него. Там был Михаил. И Светлана находилась вместе с нами. Она беременная, у них скоро появятся двое деток.

– Это же хорошо. Почему же такая радостная новость расстроила тебя? – спросила Вера Никифоровна.

– Нет, мама. Эта новость меня несколько не расстроила. Наоборот, я только рад ей.

– Тогда что же тебя взбудоражило? – попытался Сергей снова выяснить причину странного поведения брата.

– Анастас отходит от наших совместных планов, Серёжа.

– Что за планы у вас были, Вова? – заинтересовалась мать.

– Серёжа знает о них, мама. Это связано с тем же мыслетроном, над которым Анастас трудится уже не один год и, к работе с которым, он уже давно привлёк нас с Серёжей и даже Михаила.

– Михаил – это тот самый, который пытался ограбить нас и, которого посадили в тюрьму?

– Да, да, мама. Это он. Но, сейчас я не хочу об этом говорить, у меня голова болит, мне нужно немного отдохнуть.

– Хорошо, Володечка, отдыхай, я не буду тебе мешать, – мать вышла, закрыв за собой дверь. Понятно, что дверь не является преградой для распространения мыслительной энергии братьев, но так Вера Никифоровна показала, что она не будет вмешиваться в разговор сыновей, если они захотят пообщаться.

Серёжа тоже понял, что Володе нужно сейчас время, чтобы привести свои мысли в порядок и не стал ни о чём его спрашивать.

Прошёл час или более, прежде, чем Володя встал из-за стола и подошёл к брату, который всё это время, молча, трудился рядом.

– Слушай, Серёжа! Может быть, прав Анастас, что прекратил сейчас до самого рождения детей деятельность с мыслетроном. Скорее всего, он прав. Но, мне очень жаль, что он оставляет нас одних. И Михаил уже приступил к исправлению общества. Я должен ему помогать. Да и ты, Серёжа, тоже. Анастас просил передать тебе эту его просьбу. Не знаю, как мы сможем без Анастаса. Как ты думаешь, Серёжа? Ведь ты гораздо умнее нас, и с Анастасом тебя связывает более длительная дружба. Ты знаешь его лучше нас. Что скажешь? И, главное: как Михаил?

– Не расстраивайся, Вовочка. Всё будет нормально. Да и Анастас не уходит от нас и не перемещается на какую-нибудь Генианию

Володя помолчал минуту, потом поддержал брата.

– Наверно, ты прав, Серёга. Я согласен с тобой.

После этих слов растерянность и озабоченность на лице Володи исчезла, он по-братски обнял Сергея.

– Вот и хорошо, дорогие мои. Вы сделали правильный вывод в данной ситуации, – приоткрыв дверь, высказала своё мнение Вера Никифоровна, – мне очень нравится, когда вы вместе.

Дверь закрылась, братья остались вдвоём. Они посмотрели друг на друга и вместе засмеялись, тоже радуясь пониманию и разрядке напряжённости в доме.

Володя поведал всё, о чём был разговор у Анастаса. В его рассказе были две главные мысли, на которые Анастас обращал особое внимание Светланы, Володи и Михаила. Первая мысль – это безоговорочное ограждение будущих детей от воздействия сильных полей мыслительной энергии. Вторая мысль – несмотря на временный отход Анастаса от работ с мыслетроном и от его непосредственного участия в начальном преобразовании части общества, в которой вращался Михаил, задуманное дело надо продолжать.

– Какую же роль в этом деле отвёл нам Анастас? – выслушав брата, спросил Серёжа.

– Во-первых, если нужна будет Михаилу наша помощь, то мы должны оказать её по мере наших возможностей. Во-вторых, через нас Миша будет поддерживать связь с Анастасом, и, в-третьих, самое главное, мы своими мощными энергетическими полями должны поддерживать и даже усиливать само поле Михаила, если, конечно, будет в этом необходимость.

– Каким же образом мы можем это сделать?

– Михаил появляется у нас, мы некоторое время общаемся с ним и, таким образом воздействуем на его мозговое энергетическое поле.

– Ты, Вова стал нашим полноценным компаньоном. А было же время, когда я даже не хотел рассказывать тебе о мыслетроне и встрече с генианцами.

– Да уж, вы были великими конспираторами.

– А знаешь, Вова, у меня возникла идея.

– Какая?

– Мы сейчас с нашими родителями поступаем так же, как я и Анастас поступали когда-то с тобой.

– Что ты имеешь в виду, Серёжа?

– Я хочу сказать, что, может быть, нам пора привлечь к своим работам и наших родителей?

– Это зачем?

– Подумай сам, Вова. Они, общаясь с нами длительное время, уже имеют огромный энергетический потенциал, и при появлении в нашем доме Михаила, можно будет приглашать родителей для беседы, чтобы увеличить наш суммарный потенциал. Михаилу понадобится меньше времени для его «подпитки».

– Да, это здорово.

– И дальше, Володя. Мама и папа – это наши родители. Но, кроме того, они ещё и члены общества, которое мы намерены переделывать. Так почему мы должны оставлять их в стороне?

– Ты прав, братишка, – согласился Володя после небольшой паузы в разговоре. – Но, захотят ли они принимать участие в наших фантастических проектах?

– Ну, если мы не сможем убедить в нашей затее своих родителей, то, как же мы будем работать с другими, совершенно чужими, людьми?

– Так же, как ты работал с ребятами из моего класса, или Анастас – со своими сотрудниками.

– Но, там было совсем небольшое увеличение мозгового потенциала с целью более быстрого и устойчивого процесса мышления. Переворота в сознании и изменения его направленности совсем не было.

– Наверно, ты прав, Серёжа. Мама с папой уже давно могут общаться с нами без слов. Значит, потенциалы их энергетических полей увеличены значительно. Ты сможешь убедить их присоединиться к нам?

Серёжа ничего не ответил и, молча, уставился в окно.

Вечером, когда отец пришёл с работы, братья с загадочным видом вошли в кухню, где Вадим Петрович наслаждался приготовленным женой ужином. Вера Никифоровна тоже сидела рядом с мужем, с нежностью смотрела на него и, в очередной раз, слушала хвалебные слова в честь её золотых рук.

– Приятного аппетита, папа, – почти одновременно подумали дети.

– Спасибо, спасибо, дети мои. Садитесь рядом с нами. Мама приготовила волшебные блинчики.

Володя и Серёжа переглянулись и продолжили негласный разговор.

– Мы уже сыты, отец. Мамочка нас накормила.

– Да, Вадик, они поели, не дождавшись тебя, – присоединилась к этой тихой беседе Вера Никифоровна.

– Тогда рассказывайте, что у вас новенького? – поинтересовался отец.

Разговор без слов оказался очень удобен для пользования им во время обеда. И беседа происходит, и рот занят своим делом.

– А вы не догадываетесь? – спросил Володя.

– Мы не догадываемся. Мы знаем, Вовочка, – ответила за двоих мама. Она прекрасно слышала, о чём говорили их сыновья до прихода отца. Вадим Петрович уловил мысли ребят, когда они вошли в кухню.

– Очень интересное предложение, – то ли серьёзно, то ли шутливо произнёс отец. – Не понятно только, почему оно поступает лишь сейчас? Ведь мы уже давно плывём в одной лодке.

Серёжа и Володя не поняли истинного смысла последней папиной фразы и не знали, что ему ответить.

– Да, ребятки. Вы же прекрасно знаете, что мы с мамой уже давно общаемся «втихую», то есть без слов. Даже соседи нам говорят: «Чего вы, Умаровы, последнее время всё молчите и молчите? Вроде бы не ругались. Или не о чём поговорить?»

Все четверо дружно захохотали. Тишина в кухне мгновенно была нарушена. Вот смех «втихую», как выразился отец, ещё не получается.

– Что касается нашего взаимодействия, – продолжила мама, – это уже дело серьёзное. Надо обдумать, обсудить его.

– А какое же дело вы предлагаете, дети мои? – спросил Вадим Петрович, ещё не понимая, о чём идет речь, – какую роль вы приготовили для нас в вашей бурной вне семейной жизни?

Володя подробно рассказал родителям и о разговоре у Анастаса, и о предложении Серёжи, «прозвучавшем» в беседе с ним час тому назад.

– Честно вам скажу, ребята, – перестав жевать, серьёзно заявил Вадим Петрович, – я уже давно и сам подумывал над этим вопросом, только не мог сообразить: какое же участие, наше с мамой, может быть полезно в вашем деле. А теперь вижу, что и мы ещё не совсем отжившие в этом обществе элементы и можем сделать для него какое-то полезное дело. Кроме той работы, конечно, которую мы уже давно выполняем.

– Я очень рад, папа, что мы теперь будем не только семьёй, но и единомышленниками, соратниками, – громко воскликнул Серёжа. С трудом передаются все эмоции через энергетический канал. Радость, злость, удивление и другие эмоции, требующие яркого выражения, тоже поддаются только звуковому проявлению.

– И я тоже, – поддержал Володя. – Мы вместе быстрее сможем осуществить планы нашего друга Одинцова.

– А почему он решил сделать паузу в своей деятельности? – не совсем уловив из разговора детей причину отставки Анастаса, спросила Вера Никифоровна.

Вова ещё раз пересказал родителям о беременности Светланы и об опасении Анастаса за будущее ожидаемых двойняшек.

Про первую дочку Одинцовых, Анюту, Серёжа рассказывал им ранее и поэтому мама сейчас, с уверенностью поддержала решение Анастаса оградить ещё не рождённых детей от воздействия мощного энергетического поля.

Посидев за столом и предварительно обговорив возможное участие отца и матери, в общем, с детьми деле, семейство Умаровых занялось своими личными делами.

Вова уже давно не выходил во двор, не встречался с друзьями. Все они повзрослели и не часто общались между собой. У каждого появились свои интересы и заботы.

Сегодня Вова решил прогуляться и пригласил брата составить ему компанию. Серёжа уже забыл, когда он в последний раз встречался с дворовыми друзьями. Интересы в жизни у него были другие, поэтому он уверенно отказался от приглашения Володи.

– Нет, Вова, я занят. Не хочу идти во двор. Катюша моя должна позвонить. Мы сегодня собрались вместе сходить в кафе.

– Твоя Катюша! – иронично произнёс Вова. – Ну, передавай привет твоей Катюше.

После этих слов Володя выскочил на улицу.

Тоскливо ему стало одному. Только «малышня» игралась на детской площадке, да мамы, наблюдавшие за ними, рядом обсуждали свои женские проблемы.

В жизни людей часто случаются неожиданные события или непредвиденные встречи. Иногда кажется, всё в ней рассчитано, предусмотрено, но она преподносит свои сюрпризы.

Володя был одним из тех, к которому сюрпризы сами лезут в карман. Вот и сегодня, он совсем не рассчитывал на какую-нибудь неожиданность. Он просто хотел подышать вечерним воздухом, подумать о разговоре с Сергеем и родителями. Медленным шагом Володя обошёл двор, вспомнил некоторые моменты, связанные с детскими годами. Ему стало грустно, захотелось вернуться в счастливое прошлое. Увы, время не знает обратного хода. Грусти – не грусти, но, жить надо настоящим и будущим.

Как и когда-то прежде, Володя увидел двух ребят, тоже неспешно вышагивающих по дорожке между домами.

Митяй с другим знакомым парнем – кажется, Николаем его звали – шли навстречу Володе.

Они встретились воле детской площадки и остановились, пристально вглядываясь друг в друга. Володя узнал Митяя, и тот его тоже не забыл.

– Здорово, кореш, – не громко, но так, чтобы услышал только Володя, обратился к нему Митяй.

– Здорово, если не шутишь, – без энтузиазма и видимого проявления радости, ответил Владимир.

Митяй подошёл ближе и протянул руку с обильной татуировкой на пальцах и тыльной стороне ладони.

Секунду подумав, и ещё не решив, как себя вести с человеком, который когда-то использовал его и чуть не подвёл под приговор, Вова всё-таки ответил на рукопожатие Митяя.

– Как живёшь-можешь? – несколько развязно, но в то же время, дружелюбно, спросил Митяй.

– Да, так. Всё нормально, – ответил уклончиво Володя. Он не думал вступать с Митяем в какие-нибудь разговоры и хотел поскорее отделаться от него, но тот неожиданно сказал:

– Вот вышел я по амнистии. Теперь решил начать нормальную жизнь. Поможешь?

В голове Володи молнией промелькнула мысль:

«Вот оно. Судьба подбрасывает мне удачу. Этого человека мы возьмём под свою опеку и поможем ему выйти на правильную дорогу. Более того, думаю, что мы сделаем его нашим помощником».

– Поможешь, спрашиваю? – повторил свой вопрос Митяй. – А Михаил говорил мне, когда объявили амнистию, чтобы я нашёл тебя и поговорил с тобой.

– Миша? Да, слышал я от него, что вас амнистировали. Вы с ним всё время были в одной тюрьме?

– Не только в тюрьме, но и в одной камере отдыхали. Он очень по-доброму ко мне относился. Жаль, что ему ещё не скоро на волю, а то бы он здесь побеспокоился обо мне.

Коля, всё время стоявший молча, вдруг протянул Володе руку и с большим опозданием сказал:

– Привет, Володя. Если бы ты ещё и мне смог помочь устроиться на хорошую работу, мы у тебя были бы в большом долгу.

Вова ответил на приветствие и на мгновенье, задумался, глядя, то на Митяя, то на Николая.

– Подумаем на эту тему, – сказал он сразу обоим друзьям. – Если Михаил об этом просил, значит, ваша судьба будет на контроле.

– Меня не надо контролировать. Там меня уже наконтролировали досыта, – выразил Митяй недовольство ответом Володи. – Работа нужна.

– Встретимся – поговорим, – пообещал Вова. Он ещё не представлял, чем может помочь этим ребятам, но, упоминание о Михаиле и его участие в жизни Митяя, подсказывало ему, что этих дружков нужно взять под своё крыло.

Глава 7

Михаил развернул бурную деятельность. Кроме амнистированных по его настоятельному представлению Митяя и Хряща, были готовы к выходу на свободу почти все сокамерники. Неделя контактов с ними Михаилом была использована для элементарной перестройки мышления и их общения друг с другом. Некоторые из них легко поддавались воздействию энергетического поля Михаила. И Хрящ и, особенно, Митяй перед выходом на свободу почти полностью отказались от блатной лексики. Только иногда высказывали отдельные словечки – приходилось напрягаться, чтобы вспомнить правильное слово.

С Южаком Сапушкину пришлось поработать больше всех. Трофим за свою многолетнюю практику скитаний по тюрьмам, напрочь забыл многие человеческие слова. Кроме того, когда Михаил внушал ему мысль о скором его освобождении, он возмутился и потребовал встречи с начальником тюрьмы.

– Дежурный, – обратился он к конвоиру, когда принесли обед в камеру, – я хочу зырить твоего шефа. Передай Дронову, что Южак, мол, хочет с ним побухтеть.

Михаил чувствовал, что Южаку здесь, на нарах, лучше, чем на свободе. В его-то немолодые годы там, на свободе, трудно будет найти своё место. Надо искать жильё, источник для пропитания, приспособливаться к новому стилю общения. Тяжело! Невозможно! Не хочет Южак быть бомжом. Здесь тепло и, как-никак, всё же кормят. Да и уважение от блатняков есть.

Михаил понимал этого, потерявшего всякую надежду на лучшую жизнь урку, но другого выхода из этого положения он не видел. Скоро здесь никого не останется, да и само заведение перестанет существовать.

«Надо позаботиться об этом старце и там, на воле, иначе пропадёт он: или замёрзнет зимой, или умрёт с голоду. Поработаю с ним ещё здесь, чтобы понял, что он — человек и может ещё несколько лет подышать свободным воздухом» – думал Михаил.

Когда появился Дронов в сопровождении конвойного, Южак громко, чтобы все в камере слышали, произнёс:

– Что за туфту Вам подсунули? Я ещё не отпыхтел свою пятёру. Мне рано на волю. Хочу всё по справедливости. Заслужил – надо отдавать.

– Ты что, Беглов? С ума спятил? На тебя амнистия пришла, а ты кочевряжишься. На волю пойдёшь! Да не дури там больше! Поживи ещё пару лет, как человек.

– Как человек? Это кто, я – человек? Нет, начальничек, я эком родился, эком и умру. И родители мои были эками. Династия у нас такая!

«Да, с этим придётся ещё долго работать, чтобы перевернуть ему мозги» – думал Михаил, слыша разговор Южака с Дроновым.

– Михаил Андреевич, – обратился Дронов к Сапушкину, – скажи, хоть ты ему, чтобы он не дурил. Приказы всё равно должны выполняться, а с таким настроением он через неделю снова загремит под фанфары и появится здесь у нас.

– Не появится, майор, – ответил Михаил так, чтобы все его услышали. – Трофим Платонович ещё поживёт на свободе, и нам всем покажет, когда мы там будем, как надо жить. Правда, Трофим?

Южак, молча, смотрел на Михаила и не мог ничего понять. Только что он был уверен, что не нужна ему воля, что место его здесь, на нарах. А теперь, после слов Михаила, он не только засомневался в прежних своих намерениях, но был почти уверен, что свобода – это то, чего ему давно не хватало.

– Ладно, начальник, я подумаю, – более спокойно и уверенно, обратился он к Дронову. – Пойду на завязку. Готовьте документы к амнистии.

– Ну, Андреевич, – панибратски положив руку на плечо Михаилу, сказал Дронов, – одно произношение твоего имени – уже гарантия успеха. Вот так, Трофим Платонович.

Миша был доволен исходом общения Южака с Дроновым. Вдвойне его устраивало такое положение потому, что всё происходило на глазах у присутствующих сокамерников. Это давало надежду на то, что больше не будет подобных коллизий при их неожиданном освобождении. Каждый может по-своему расценивать неординарный ход событий. Кто-то почувствует подвох в одновременной амнистии всех осуждённых сразу – ведь, у каждого из них своя статья. А за этот подвох придётся заплатить двойную плату и разные дополнительные сроки отсидки. А кто-то, наоборот, обрадуется и на радостях может совершить нечто неожиданное и испортить мирный, «законный» процесс, на который рассчитывал Михаил.

– Есть ещё у кого-нибудь вопросы, пожелания? – обратился Дронов к заключённым, глядя только на Михаила и ожидая от него приказаний.

– Нет, нет никаких вопросов, – с разных мест раздались ответы. Остающиеся после выхода Митяя и Хряща заключённые уже прошли определённую обработку или подготовку. Среди них были Толик Волк – Дуда, которого перевели сюда из другой камеры на место Митяя, и друг Митяя Егоров. Одно место было свободно, так как три дня тому назад тихого и злобного Крючка срочно перевели в лазарет на койку, где рядом с мужичком-дохлячком не одну неделю «лечился» Михаил Сапушкин.

– Всё в порядке, майор, – подтвердил Миша отсутствие вопросов со стороны заключённых. – Мы все отсюда скоро выйдем.

Последние слова он говорил больше не для ушей Дронова, а для того, чтобы сокамерники ещё раз услышали приятную новость. Так, при любой возможности, при отсутствии написанных планов, Михаил осуществлял свою филантропическую деятельность, на которую его «благословил» Анастас Одинцов.

Ближе к вечеру, Михаил вызвал на «связь» майора Дронова.

– Геннадий Валентинович, прикажи конвоиру, чтобы он меня сопроводил к тебе. Надо поговорить по поводу будущего наших заключённых, – чувствуя слабость к панибратскому общению начальника тюрьмы, Михаил стал обращаться к нему, как к своему давнему знакомому.

– Через минуту он будет у вашей камеры, Михаил Андреевич. А я пока организую что-нибудь на столе.

Сапушкин был удивлён последними словами Дронова и, даже видя и чувствуя его панибратство, он не ожидал такой милости от начальника тюрьмы. И, в то же время, понимая великую миссию, выпавшую на его долю, он подсознательно ощущал некую свою значимость, приобретённую в кругу сокамерников и руководящего состава.

Застучали замки на двери камеры, конвойный обратился к Сапушкину:

– Вас приглашает майор Дронов, Михаил Андреевич.

«Приглашает, а не вызывает, – уловил Михаил разницу в словах и в интонации конвойного. – Не зря же он когда-то носил меня на своих плечах. Уважает».

Эта мимолётная эгоистическая гордость за себя не застала глаза и ум Михаила. Он теперь был всецело погружён в своё главное дело, которое стало смыслом его жизни.

Прибыв в кабинет Дронова, Михаил увидел хозяина за столом, на котором стояли бутылки и разнообразная снедь для закусывания.

– У тебя праздник, майор? – спросил Сапушкин, показывая взглядом на стол.

– Как говорят, для меня всегда праздник, когда я встречаюсь с тобой, дорогой мой Михаил Андреевич.

– Вот как? С чего бы это такая честь?

– Ну, как же? Скоро мы будем вместе работать, заниматься одним благородным делом.

– О каком деле ты говоришь, Геннадий Валентинович? – как будто ничего не зная и ни о чём, не догадываясь, спросил Сапушкин.

Большим делом, большим, Андреевич. Мне доложили, что готовится приказ начальства о полной амнистии, вернее, о полном перепрофилировании нашего заведения. По секрету тебе скажу, что мне осточертела эта работа, и я с радостью займусь тем, что мне предстоит делать.

– Чем же? Поделись ещё одним секретом.

– Давай по рюмочке выпьем, Михаил. У меня есть отличный французский коньячок, – предложил Дронов, наливая коньяк в красивые, широкие фужеры.

Миша уже давно не держал во рту спиртное и сейчас с удовольствием принял предложение майора. Коньяк, действительно, стоил того, чтобы выпить его в такой тёплой компании.

– Ну, так вот, – продолжал Дронов, крякнув от удовольствия и закусывая бутербродом, – наше учреждение меняет профиль назначения и будет работать над обширным, можно сказать, глобальным переформатированием общества.

– Слова ты, какие употребляешь, Дронов. Сразу и не поймёшь.

– Главное не слова, а дела, дорогой коллега.

– Это как? – понимая смысл слов майора, – спросил Михаил. Он решил не раскрываться перед Дроновым и сделать вид, что он здесь не причём, и для него всё это является неожиданностью.

Дронов ещё налил коньяку в бокалы. Без приглашения и тостов они выпили, снова закусывая чёрной икрой. Лёгкий румянец выступил на щеках майора, глаза заблестели, а речь стала ещё более интригующей и развязной.

– Так вот, Мишенька. Мы будем заниматься воспитанием, то есть выращиванием новых людей, создавать современное интеллектуальное общество. Все мои подопечные, которые сейчас томятся в застенках, будут работать вольно в этом учреждении. Ты понимаешь?

– Не совсем, – продолжал Михаил держать интригу и изображать из себя человека, далёкого от всей этой идеи.

– Как же, Михаил Андреевич? Ты должен понимать!

– Почему должен?

– А потому, дорогой мой, – совсем родным Михаилу стал Дронов после выпитого коньяку, – потому, что... скажу тебе уж всё до конца.

– Говори, Геннадий Валентинович, – Михаил не хотел разрушать дружескую обстановку, созданную Дроновым.

– Вот я и говорю... – помолчав, Дронов громко произнёс, – ты будешь возглавлять наше учреждение.

Сапушкин искренне был удивлён, услышав от Дронова такую новость. Он не предполагал, что его работа с руководством тюремного заведения пустила такие глубокие корни и проросла уже в виде решения главного руководства о «переформатировании» данного тюремного учреждения. Он знал, что все его усилия были направлены только на персонал этой тюрьмы и не более, а тут... оказывается, идея не замкнулась только на нём, а распространилась через Дронова и на его непосредственное начальство. Это была сверх приятная новость, и о ней нужно срочно сообщить Одинцову.

– Я? Возглавлять?

– Да, это уже решено. Только пока молчок, – Дронов приложил к губам два пальца и понизил голос. – Никому и ни о чём!

– Я понял тебя, майор. Никто об этом не узнает, – пообещал Михаил.

– Вот это приятно слышать. Мы с тобой сработаемся.

– А ты, Геннадий Валентинович, тоже будешь здесь руководить?

– Да, я буду твоим заместителем. Давай за это по одной, – опять налил Дронов по бокалу и один из них всунул Михаилу прямо в руку. – На брудершafft.

– Ну, уж нет, Дронов. Пить на брудершафт с начальством – это извращение и подхалимство.

– А здесь таких нет. Я уже почти не начальник, а ты ещё не начальник, так, что всё по закону.

– И всё-таки, я не буду.

– Ну, ладно. Значит, так. За успехи нашего дела.

– Поддерживаю.

Выпили, поставили бокалы на стол. Молча, жевали бутерброды с густо намазанной икрой.

– А ты чего просил принять тебя, Сапушкин? – вдруг вспомнив, как и почему они здесь оказались, спросил майор.

– Да я уже получил ответы на вопросы, которые я хотел тебе задать. Ты, Геннадий Валентинович, оказался очень прозорливым, я бы сказал, настоящим провидцем.

– Вот начальство за это меня и ценит. Я всегда предугадывал его настроение и желания. Его приказы я исполнял, чуть ли не ранее того, как они ко мне поступали.

Сапушкину захотелось, вдруг, чем-то обидеть, унижить исполнительного и мстительного майора, но, потом опомнился и решил: «А что же теперь наказывать за прошлое, ведь, он работал в определённых условиях. Система его сделала таким. По сути, он не дурак и даже добрый человек».

– Ну, и с тобой мы будем понимать друг друга. Не правда ли, Михаил Андреевич?

– Надеюсь, Геннадий Валентинович. Хочу спросить, а когда же намечается перестройка нашего заведения?

– Это пока тайна. Всё будет зависеть от скорости и степени перевоспитания моих подопечных.

– Ты имеешь в виду заключённых?

– И заключённых и моих подчинённых. Но, с ними легче. Они уже почти все со мной солидарны. С удовольствием меняют характер работы и станут замечательными нашими единомышленниками.

Михаил ещё раз подумал о том, что такие перемены оказались для него неожиданными. Чуть больше месяца прошло с тех пор, как они с Анастасом обсуждали проблемы, цели и задачи. За это время только один раз Михаил выходил на связь с Одинцовым. Были некоторые вопросы, которые задавал Миша, и одновременно, через энергетическое поле Анастаса, пополнял свой мозговой потенциал. Анастас тоже не ожидал быстрых перемен в обществе. Ведь люди – это живой материал и работа с ним всегда полна неожиданностей.

– Ну, Геннадий Валентинович, я рад нашей встрече и ещё более доволен результатами беседы.

– Мне тоже общение с тобой доставило удовольствие.

Дронов вызвал конвойного и приказал доставить Михаила на его постоянное место пребывания.

– А, может быть, ты снова в лазарет, Миша?

– Нет, не надо раньше времени отрываться от коллектива, – с чувством юмора и долей правды, ответил Михаил и удалился.

Глава 8

Возвратившись домой, Анастас застал Светлану заплаканной и лежащей на кровати в верхней одежде. Зная, что жена всегда очень строго относилась к соблюдению чистоты и порядка в доме, Анастас понял, что случилось что-то неординарное.

– Светочка, дорогая, что произошло? Ты плакала? Поделись скорее. Я не могу видеть тебя в таком виде.

Светлана громко зарыдала и не смогла ответить на вопрос мужа. Он присел на край кровати, положил руку на живот и снова спросил:

– Милая моя, успокойся. Всё, что случается в жизни, рано или поздно проходит. И у нас всё устроится. Расскажи, что с тобой?

Наконец, перестав всхлипывать, Светлана сняла руку Анастаса с живота и села рядом с ним на кровати.

– Стасик, я была сегодня у доктора.

– И что? С детьми что-нибудь?

– Да, с детьми. Мне сегодня, наконец, сказали то, о чём они знали ранее, но, боялись сказать об этом.

– Говори же, не томи меня. Какие-то отклонения?

– У нас ... – Светлана не могла произнести то, о чём она узнала от врачей. – У нас дети ... близнецы.

– Я знаю об этом давно, Светочка. Что же тут нового?

– Сиамские близнецы.

.....

Молчание продолжалось несколько минут. Светлана уже выплакала все слёзы, у неё не было больше сил ни для разговора, ни для плача. Анастас пытался осознать ту страшную новость, которую только что сообщила ему жена.

Наконец, он произнёс:

– Что-нибудь, можно сделать?

– Нет. Врачи говорят, что они срослись головками и, вряд ли реально возможно их разделить. Окончательно они могут сказать только после рождения.

– Давай успокоимся оба и будем думать, что нам делать.

– Что же тут думать, Стасик? Это окончательный диагноз. Врачи всё надеялись, что может быть, они ошибались или, возможно, операция спасёт наших деточек. Но сегодня они убедились, что всё складывается самым неблагоприятным образом.

– Всё равно не будем раньше времени паниковать.

– Стас, и ещё мне сказали, что причиной такой аномалии могла послужить или повышенная радиация или какие-то другие вредные излучения.

– Ну, как можно сейчас назвать причину? Да и зачем её искать, если уже ничем помочь нельзя?

– Это наши с тобой энергетические поля, Стас, – Светлана вновь зарыдала в полный голос и положила голову на грудь мужа. Рубашка сразу стала мокрой от потока слёз, а Анастас только крепче прижимал её голову.

– Но, мы же с тобой почти не общались путём энергетического контакта, и мыслетрон я ни разу не включал после того нашего уговора.

– И, тем не менее, Стас. Другой причины я не вижу. Мы теряем опять наших детей. Теперь двоих сразу. Сразу двоих, Стас! – рыданья заглушили и голос Анастаса и все шумы, которые с улицы пробивались в комнату.

– Ну, успокойся, дорогая. Плачем горю не поможешь.

– Да, Стас. Не только плачем. Но и ничем другим не поможешь.

Прошло около получаса, прежде чем Светлана с опухшим от слёз лицом, убитая горем, поднялась и, молча, прошла в кухню. Там она села за стол, взяла в руки нож и, глядя в одну точку, монотонно стала стучать ножом по столу. Анастас вошёл в кухню, бережно вытащил из крепко сжатой руки нож и снова сел возле жены.

Он не стал ничего говорить, пытаясь найти выход из создавшейся ситуации. Стас боялся за жизнь жены, чтобы она, не видя выхода, не сделала какую-нибудь глупость.

– Я завтра на работу не пойду, Светочка. Буду с тобой. Может быть, ещё раз сходить к врачу? Вдруг, это ошибка.

– Ошибки не может быть, Стас. Врачи уже целый месяц наблюдали за мной. Я видела их растерянные лица, но они мне ничего не говорили.

– Что же они предлагают?

– Избавиться от них. Это будет лучший выход и для них, и для нас с тобой, Стасик.

– Как избавиться? Сейчас же так развита медицина! Должны же они оперативным путём разделить их.

– Я ничего сейчас не знаю. Не могу что-либо сказать.

– Хорошо, не будем сейчас решать. Давай подождём немного. Что-то прояснится, изменится.

Ночь в семье Одинцовых прошла в изнурительных поисках выхода. То разговоры полупрозрачные, то слёзы на глазах Светланы, то прерывистые речи Анастаса сменяли друг друга. Оба устали, пытались заснуть, потом снова заводили разговор и опять не находили решения. К утру Светлана, измучившись, положила голову на грудь мужа и долго-долго лежала с открытыми глазами. Мыслей в голове никаких не было, казалось, что она уже не живая, и только слабое дыхание говорило, что жизнь в ней продолжается.

Анастас уснул, наконец. В минуты пробуждения он старался не шевелиться, чтобы не нарушить, как ему казалось, отдых любимой женщины.

Рассвет за окном уже давно известил о том, что очередной день пришёл. На дереве кричала ворона, приветствуя всех с началом нового дня. Автомобили шуршали колёсами по асфальту, люди выходили из домов и спешили по своим делам. Казалось, в мире ничего не происходит нового, всё течёт по известному руслу, никаких событий, способных изменить привычное течение, не может быть.

Только в квартире Одинцовых в атмосфере витала тревога и грусть. Оба, проснувшись, не хотели вставать, чтобы не окунуться снова во вчерашнюю бездну. Они лежали, молча, думая каждый свою печальную мысль.

– Я пойду к врачу, посоветуюсь, поговорю, – наконец, решил нарушить видимое спокойствие Анастас.

– Что же ходить, Стасик? Всё уже определилось.

– И всё же, я хочу услышать от врачей сам. Может быть, ты что-нибудь не так услышала, не поняла.

– Ну, сходи, сходи. А у меня нет сил, вставать.

– Ты лежи, отдыхай. Я тебе сейчас принесу чай и бутерброд. Перекуси, легче будет.

Светлана не ответила.

Анастас, одевшись, приготовил завтрак для неподвижной жены и принёс ей маленький подносик. Она не повернулась к нему и только сказала:

– Оставь, я потом перекушу.

– Я скоро вернусь, – сказал Анастас, открывая дверь.

Светлана не ответила и не повернулась, чтобы взглядом проводить мужа.

Ближе к обеду, Анастас вернулся домой. Войдя в комнату, он заметил, что Светлана не вставала и не притронулась к принесённому ей завтраку. Он не хотел тревожить измученную жену, предположив, что она заснула.

– Ну, что ты узнал? – не открывая глаз и не повернув головы, спросила Светлана.

Анастас молчал. Жена поняла, что хороших новостей ей муж не принёс, и больше не задавала ему вопросов.

В течение наступившего дня Светлана и Анастас больше не выходили из дома. Обсуждать вчерашнюю печальную новость они не хотели, но мысли обоих были только об этом. Без единого слова они лежали, сидели, ходили по комнатам. На телефонные звонки, которые неоднократно звучали во второй половине дня, никто не отвечал. Такая гнетущая тишина сводила с ума обоих. Только мысленное общение доставляло им некоторое успокоение. Оба чувствовали, что они рядом, что они ещё живы и нужны один другому.

Ближе к вечеру, Светлана нашла в себе силы и вышла в кухню, чтобы приготовить мужу ужин. Она поставила на стол тарелку с супом и позвала Анастаса. Тот пришел быстро и, увидев на столе только одну тарелку, тихо, но настойчиво попросил:

– Возьми себе тоже супчик. Надо есть, поддерживать силы, иначе сляжешь от истощения. Не забывай, что в тебе ещё два существа, которые тоже хотят есть.

– Два? – удивилась Светлана известной и простой информации о двух ещё не рождённых детях, – не хочется шутить, но, я бы сказала: два в одном.

– Ты сходишь с ума, дорогая. Нельзя так говорить о несчастных. Нам горько, но дети здесь не причём.

– Я не знаю, о чём я говорю, что делаю, как выживаю.

– И всё-таки, давай спокойно примем ситуацию такую, какая она есть. А там уже видно будет, как нам поступать.

На этом, вновь возникшее обсуждение вчерашней новости, окончательно закончилось и обстановка в доме постепенно пришла к норме.

Светлана поела, чуть-чуть повеселела и, поглаживая свой живот, сказала:

– Милые мои деточки. Я вас люблю. Я никогда вас не брошу. Моя любовь и разумное наше поведение спасут ваши жизни. Правда, Стасик?

– Это правда, дорогая. У меня зародилась одна странная идея.

– Какая идея? – встрепенулась Светлана, ожидая от мужа любую идею, даже фантастическую, которая бы помогла их детям.

– Ты правильно сказала, что любовь и разум могут спасти наших деточек, – медленно, обдумывая каждое слово, начал говорить Анастас. – Любовь мы с тобой обеспечим в полной мере. А вот с разумом сложнее. Если наши врачи ничего предложить не могут, нам надо обратиться к высшему разуму.

– О чём ты, Стас?

– Об инопланетянах, о генианцах, о нашей дочке Аняте. У них там живут гении, Они что-нибудь смогут нам предложить. С одной стороны, не без их помощи мы со своими детками попали в такую ситуацию. А с другой – с их же помощью, и надо нам выходить из неё.

Светлана не восприняла всерьёз предложение Анастаса, но она схватилась за соломинку, чтобы не чувствовать, что впереди тупик, и выхода из него нет.

– Как же ты можешь обратиться за помощью к ним?

– Давай не будем спешить. Я уже говорил, надо подождать рождения, чтобы раньше времени не наделать глупостей.

Кажется, эти слова всё же успокоили Светлану. Она согласилась ждать естественного выхода из нестандартного положения и пока не обращаться за помощью ни к кому.

Дальнейшие дни снова потекли один за другим. Светлана не ощущала никаких отклонений от привычных проявлений беременности женщины.

Анастас ходил на работу, но энтузиазма в институтских делах не проявлял. Мысли всё время крутились вокруг детской проблемы, но особой надежды на положительный её исход не было.

Неоднократно женщины его отдела спрашивали, как растёт дочка, чем занимается, красивенькая ли она и, когда ожидается у них со Светланой пополнение. На фоне грустных мыслей о будущих двойняшках, такие вопросы сотрудниц раздражали его и вынуждали говорить грубости, чего раньше за Анастасом не замечалось.

– Работой займитесь, наконец, а не праздными разговорами, – как-то отмахнулся Анастас от вопроса Надежды Григорьевны. Она давно знала Анастаса и Светлану и теперь обиделась на такую грубость, считая, что она имеет право поинтересоваться делами семьи своего начальника.

Со стороны других сотрудниц отдела тоже были попытки узнать о состоянии Светланы, которая была в декретном отпуске, но и они не получили того ответа, которого хотели бы услышать.

После работы Анастас спешил домой, чтобы не оставлять жену на длительное время в одиночестве. И помощь по дому Анастас теперь ей оказывал беспрекословно.

Светлане всё труднее и труднее становилось передвигаться. Ей всё время чего-то хотелось съесть или выпить, и Анастас без задержки бегал в магазин и приносил ей то, что она требовала. Бывало и такое, что Анастас приносил по её просьбе сок абрикосовый, а она тут же ему говорила:

– Не хочу я этого сладкого сока. Хочу лимона свежего. – И Анастас немедленно бежал за лимоном.

При очередном врачебном обследовании Светлане сказали, что плод лежит не благоприятно, возможно, придётся делать кесарево сечение.

– Какой плод, один или оба? – уточняла она.

– У вас один плод, хотя деток двое, – невразумительно отвечал доктор. Но, и этот ответ удовлетворил Светлану. Она настолько напереживалась из-за сиамских близнецов, что сообщение о кесаревом сечении её никак не расстроило. Более того, она понимала, что как бы ни лежал плод, всё равно рождение сиамских близнецов возможно только через кесарево сечение. С этой мыслью она давно смирилась и подготовила к этому Анастаса.

Глава 9

Вадим Петрович после разговора с детьми вдруг резко изменил не только свои взгляды на жизнь, но и характер, и отношение к любимой жене. На работе сотрудники стали замечать за Вадимом странные моменты его поведения. То он сядет где-то в углу и молчит-молчит, то он начинает говорить нечто несуразное, непонятное собеседникам. А те, сначала замолкали, переглядываясь между собой, потом начинали обсуждать и строить разные догадки по отношению к странностям Умарова. И, наконец, многие перестали вступать в контакт с ним, показывая друзьям пальцем у виска, что нет, мол, смысла с ним говорить.

Между тем Вадим Петрович был в полном уме и здравии. Голова его работала нормально, только направление мыслей было полностью определено беседами с сыновьями и планами Анастаса.

Приходя домой, Вадим Петрович, не чмокал в щёчку свою жену, как раньше, не рассказывал ей о событиях и достижениях за весь рабочий день. Вера Никифоровна, сначала обижалась на такие перемены в его поведении, потом ей пришлось смириться и не обращать на это внимания. Хотя, не раз женское самолюбие и их многолетняя жизнь с Вадимом толкали её на неприятный разговор с мужем.

– Вадик, у тебя сложности на работе?

– С чего ты взяла, Верочка?

– Ты в последнее время стал сам не свой: меня не замечаешь, разговаривать со мной перестал. Что случилось?

– Всё нормально, дорогая, – прекращал разговор Вадим Петрович и уходил в другую комнату, или, если ребята были дома, заглядывал к ним и спрашивал у них;

– Какие новости на нашем фронте?

– Новостей нет, папа.

Или:

– Сегодня нам надо обдумать, обсудить одно дельце.

После этого Вадим Петрович с радостью заходил в комнату и подключался к обсуждению того или иного события.

Серёжа много времени посвящал своим делам на кафедре и всё чаще стал встречаться с Катюшей. Его первая любовь оказалась настоящей и постоянной.

Володе после встречи с Митяем захотелось посоветоваться с отцом и найти поскорее какое-нибудь решение.

– Папа, ты помнишь Дмитрия Искрова?

– Искрова? Нет, не припоминаю.

– Ну, тот, который... – Володя замешкался, не зная, как лучше сказать, чтобы папа вспомнил его, – который... Митяй. Митяй его зовут, он живёт в соседнем дворе.

– А-а-а, любитель покурить и понюхать?

– Да, да. Он в тюрьме сидел. Теперь вышел оттуда.

– Ну, и что? Опять тебя втягивает в какое-нибудь дело?

– Нет, папа. А Михаила помнишь?

– Михаила? Конечно, мы же говорили о нём. Это тот самый, который приходил к Серёже в гости? Морячок?

– Именно про него я говорю.

– Ну, и дружки у тебя, сынок.

– Не дружки они мне. Судьба нас свела.

– А почему ты сейчас вспомнил о них?

– Я тебе всё расскажу.

– Давай присядем. Я послушаю.

– Слушай, папа. Я встретил недавно во дворе Митяя, – и Володя рассказал отцу, что Митяй был в тюрьме, а теперь он на свободе. Рассказал он и о том, как Митяй общался в тюрьме с Михаилом.

– С тем же Михаилом, который теперь с Анастасом в одной команде. Он до сих пор находится в тюрьме, – продолжал сын.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.